

Юрий ПОЛЯКОВ

**БЫТЬ
РУССКИМ
В РОССИИ**

Юрий Поляков

Быть русским в России

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2001–2018

УДК 82.4
ББК 76.01

Поляков Ю. М.

Быть русским в России / Ю. М. Поляков — ИД "АРГУМЕНТЫ
НЕДЕЛИ", 2001–2018

ISBN 978-5-6042364-7-5

В книге со знаковым названием «Быть русским в России» собраны лучшие статьи и эссе известного прозаика и драматурга Юрия Полякова, постоянного автора «Аргументов недели». С 2001 по 2016 год он возглавлял «Литературную газету», ставшую в тот период кафедрой отечественной консервативно-патриотической мысли. В сборник вошли классические статьи «От империи лжи – к республике вранья», «Зачем вы, мастера культуры?», «Десовестизация», «Словоблуждание», «Лезгинка на Лобном месте», а также новые работы, в первую очередь цикл «Желание быть русским» (2018), вызвавший широкий резонанс и разноречивые оценки.

УДК 82.4

ББК 76.01

ISBN 978-5-6042364-7-5

© Поляков Ю. М., 2001–2018

© ИД "АРГУМЕНТЫ
НЕДЕЛИ", 2001–2018

Содержание

Первый раздел: Детектор патриотизма	6
Почвенники и беспочвенники	6
Невольный дневник	12
Желание быть русским	15
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Юрий Поляков

Быть русским в России

© Поляков Ю., 2019

© АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2019

* * *

Первый раздел: Детектор патриотизма

Почвенники и беспочвенники

Беседа Юрия Полякова и Андрея Угланова

Издательство «Молодая гвардия» выпустило уникальную книгу из знаменитой серии ЖЗЛ – «Жизнь замечательных людей». Её отличие от всех предыдущих книг состоит в том, что посвящена она не ушедшему кумиру прошлых лет, а ныне живущему писателю, драматургу и главному редактору «Литературной газеты» Юрию Полякову. Новая серия так и называется – «Живые классики».

Главный редактор «Аргументов недели» Андрей Угланов встретился с классиком в день его рождения в Московском театре «Модерн», руководимом Светланой Враговой. В тот вечер на главной сцене шла известная мистическая комедийная пьеса Юрия Полякова «Он. Она. Они», поставленная режиссёром Олегом Царёвым.

– «Литературная газета» (ЛГ), главным редактором которой вы являетесь уже 15 лет, всегда была газетой не только для писателей, но и яркой политико-публицистической трибуной. Главный редактор этого издания по традиции – человек, хорошо разбирающийся в политике, причём – критически. Но начнём с писателей. Что сегодня их беспокоит кроме заработка и желания как-то выжить? Я говорю о гражданской позиции писателей, делятся ли они на какие-то группировки, как это было в советские времена?

– «Литературная газета» до 2001 года, когда в неё пришла новая команда во главе со мной, была ультралиберальной. Всё, что делалось во времена Ельцина, всё что произошло в 91-м, 93-м, 96-м, 98-м годах, тогдашнее руководство газеты так или иначе устраивало. С 2001 года многое изменилось. Газета стала центристской, вернулась к тем традициям, которые закладывали в неё Пушкин и барон Дельвиг, – «либерального консерватизма» (именно так взгляды Пушкина охарактеризовал Вяземский). Сегодняшняя ЛГ критически относится к наследию 90-х, к тому колоссальному социальному неравенству, которое возникло в обществе. Увы, мы имеем несовместимость современных версий почвенничества и западничества, которые были едва ли не главными для российских и советских литературных традиций.

– Существование западников и почвенников действительно в наших традициях: Герцен и Достоевский, Распутин, Аксёнов... Они всегда были рядом и не мешали друг другу жить. Что сегодня?

– Противоречия между ними резко углубились. Вышли на уровень просто генетической вражды. Увы, наиболее крупные почвенники, такие как Василий Белов или Валентин Распутин, к сожалению, умерли, как и наиболее крупные западники, тот же Василий Аксёнов. Активно работающие почвенники публикуются в журналах «Наш современник», «Москва». Ну а западники, точнее, «беспочвенники», это в основном те литераторы, что печатаются в «Замени», «Октябре», «Новом мире», концентрируются вокруг «Букера» и «Большой книги». То, что происходит в стране, если судить по сочинениям, их не очень интересует. Занимает в основном то, как их слово отзовётся в премиальном эквиваленте.

Между ними появилась принципиальная разница. В дореволюционный период почвенники и западники были писателями, активно полемизирующими, порой находящими общий язык. В советский период они дискутировали даже на партсобраниях, разя друг друга цитатами из решений последнего Пленума ЦК КПСС. Сейчас трагедия в том, что почвенники и

западники перестали спорить. Одни считают своих оппонентов дебилами и идиотами, другие – предателями и мерзавцами. И даже не пытаются вступить в диалог. Это неправильно, потому что у отечественной цивилизации всегда было два крыла – византийское и, грубо говоря, инородческое и иноверческое: я имею в виду культуру, а не веру. Сейчас диалог утрачен, а литература в последние 25 лет даже не хочет вернуться в режим диалога.

– Вы считаетесь человеком, кого принято называть консерватором, резко критикуете наследие Бориса Ельцина. На этом пути даже стали доверенным лицом Владимира Владимировича Путина на последних выборах, объясняя это желанием демонтажа того самого наследия. Как идут дела в этом направлении? Вас не постигло жёсткое разочарование? Я прежде всего имею в виду то, что главное, за счёт чего существует страна, – всё же экономика. А здесь правят бал так нелюбимые вами либералы. Почему ваш протеже терпит рядом с собой Кудрина и Улюкаева (разговор состоялся до ареста Улюкаева), миллиардеров Шувалова и Абызова? Он же держит советниками «оглупителей» учеников Фурсенко и Ливанова, всячески выказывает своё расположение Силуанову и Набиуллиной, которые делают всё, чтобы российская промышленность развивалась как можно медленнее. В чём секрет Медведева, которого В. В. Путин, скорее всего, видит своим преемником?

– Я должен обдумать этот коварный вопрос... Начнём с того, что Путин – мой лидер, а не протеже. К тому же я не экономист, поэтому мои представления о хозяйственной сфере весьма гуманитарны. Но меня тоже удивляют эти жуткие «ножницы», которые видны не только вам. Во внешней политике, в духовной сфере мы выступаем как радетели традиционных ценностей...

– Как воины света, Белое Воинство?

– Да. Белый цвет был цветом нашей монархии. Помните, Лермонтов клеймил злопыхателей: «Вам света белого не видно за светом белого царя!» Мы ратуем за многополярный мир, социальную справедливость, честное распределение мировых богатств и т. д. А во внутренней политике, экономической прежде всего, основные доходы с природной ренты – нефть, газ почему-то идут куда угодно, только не в страну. Это настолько очевидно, что хочется выйти на Красную площадь и крикнуть: «Недра – народу!»

О социальном неравенстве. Даже большевики через 8 лет после своего прихода к власти ввели так называемый «партмаксимум», по которому партийная номенклатура не могла получать зарплату в разы больше, чем квалифицированные рабочие. Партийные хапуги высмеивались и наказывались, особенно во времена нэпа. Скажем, Булгаков изобразил в «Зойкиной квартире» партийца по фамилии Гусь (интересно, что тестем В. Шаламова был старый большевик по фамилии Гудзь). Так вот, у Гуся в руках пачка червонцев, за которую его и зарезал китаец. Откуда? При средней зарплате квалифицированного рабочего 3–5 червонцев в месяц? У нас таких «гусей» сегодня полным-полно. Почему власть не введёт новый партийный максимум? Почему у художественных руководителей некоторых московских театров зарплата 40–50 миллионов рублей, в то время как у народного артиста в регионах – 20 тысяч? Не должно быть такого перепада.

– То есть «гусей» не удалось пока извести с конца прошлого века, когда Борис Николаевич ушёл из власти?

– Историческая инерция – страшная вещь! Даже с троцкизмом, как с течением в партии, было покончено только в середине 30-х годов прошлого века, хотя самого Троцкого от реальной власти отстранили десятилетием раньше. Видимо, здесь что-то похожее. Но огромной части населения сегодня и в самом деле тяжело. Страна борется за общечеловеческие ценности, ей вменяют санкции. Но почему это должно ложиться на бедных и средний класс? Почему наши «гуси» имеют колоссальные доходы непонятно за что? Они что, эту нефть разведали, пробурили эти скважины? Они что, строили этот огромный комбинат по добыче никеля за полярным кругом? Нет – его строили зэки и комсомолы-добровольцы, потом – вахтовики.

Почему у наследников этих героев труда нет акций? А есть они у каких-то мутных приватизаторов-жуликов. Почему народные деньги опять пилят «гуси»? Делят их с жёнами и любовницами, самозваными отпрысками, а ТВ всё это нам показывает. А почему нет речи о помощи потомкам погибших в Норильске заключённых и энтузиастов пятилеток, что строили завод с кайлом и обмороженными руками? Мой гуманитарный ум отказывается это понимать.

Но я и третий раз, если предложат, буду доверенным лицом Владимира Путина. Потому что он оттащил страну от той пропасти, к которой подошла Россия к 2000 году ельцинская команда. На месте Чубайса и Коха я бы от стыда закрылся в несгораемом шкафу. Нет, выступают как ни в чём не бывало...

– Больше о политике говорить не будем. Сегодня значительные тиражи получают книги о Сталине, книги «имперского» писателя Александра Проханова, книги о мировом закулисье, делающем всё, чтобы уничтожить Россию. В чём секрет того, что российское общество в основной своей массе живёт прошлым? Наши лучшие режиссёры снимают фильмы о войне, о событиях прошлого века от его начала до конца. В СССР хотя бы детям делали фильмы о будущем, например «Москва – Кассиопея».

Что это за государственная политика – благоговеть и сотрясаться в рыданиях о прошлом? Делать «гвоздями сезона» то сериал о нравах кинотусовки 60-летней давности, то о нравах писателей-поэтов той же поры? Всё это хорошо и интересно, но где видение будущего для страны? Где «заманухи» для детей, чтобы они начали думать не о гаджетах, а о дальних экспедициях в космос? Посмотрите, именно так воспитывает американскую и западную молодёжь Голливуд. Практически все фильмы о будущем и его вызовах сделаны в Америке, и наши школьники видят, что именно американцы спасают мир от астероидов и гадких пришельцев. А мы в их фильмах предстаём лишь как пьяные придурки, причём эти фильмы идут сплошняком в нашем прокате, и на всех телеканалах. Помните, как Брюс Уиллис спас Землю от астероида, а заправлялись американские парни на «ржавой российской станции», где русский космонавт один-одинёшенек сидел пьяным в шапке-ушанке? Что это за хрень? Где протесты «Единой России»? Значит, спеть богохульную песенку в церкви, когда этого никто не видит, – ступай на нары, а показывать десяткам миллионов зрителей лживое дерьмо – можно?

– Это как раз то самое, о чём постоянно пишет ЛГ. Тайна «золотого ключика» очень проста: в 90-е годы XX века за помощь в свержении советской власти и взятии Кремля западной командой либеральной интеллигенции, в том числе творческой, было отдано на откуп всё пространство: культурное, литературное, научное. Их просто везде назначили начальниками, дали все посты, фонды, бюджетные и премиальные и т. д. Всех патриотов оттеснили на периферию. За что? За тупое упорство в отстаивании государственного суверенитета.

Сегодня совершенно очевидно, что путь сдачи суверенитета «передовому Западу» оказался тупиковым, если не преступным. И что? Отобрали у либеральной, считай, «колониальной» интеллигенции контроль над художественно-духовным пространством? Реабилитировали тех, кто бился в 90-е за государственный суверенитет? Чёрта с два! Эрнст как сидел – так и сидит! Все каналы, студии, программы художественных передач на телевидении, структуры, которые финансируют сериалы, в руках «цивилизаторов» образца 90-х годов прошлого века, чьей задачей было поставить Россию в дальние ряды последователей чужой «американской мечты». У нас до сих пор государственные чиновники с придыханием говорят, что какая-то английская контора поставила «Бауманку» аж в пятую сотню мировых вузов. Невдомёк им, тупоголовым, что таких вузов, как Высший технический университет имени Н. Баумана, в мире нет вообще! И вот таким «умникам» в распоряжение до сих пор дают казённые деньги. И вы хотите, чтобы они снимали «Москва – Кассиопея»? Вы хотите, чтобы они снимали честные

фильмы о нашей истории? Нет, они продолжают работу по внушению нашей молодёжи исторического комплекса неполноценности, убеждая всеми средствами, будто наша цивилизация тупиковая. Это их тайная страсть. По случайному стечению обстоятельств именно так называется новейший и глупейший фильм о шестидесятниках.

– **Юрий Михайлович, вы член «Единой России»?**

– Нет, я член Общественной палаты.

– **Тем более. У нас же есть законы за оскорбление власти, оскорбление религиозных чувств. Вот то, что религии касается, значит, оскорблять нельзя, а то, что оскорблять инженеров, которым плюют в душу, рабочих, которые продолжают работать на заводах, – можно?**

– Я гуманитарий, и о том, что касается сферы моей компетенции при каждой возможности задаю президенту вопросы. Например: почему Союз писателей относится к Министерству связи, а не к Министерству культуры? Ну выдайте нам тогда почтальонские сумки. Я спрашивал: «Владимир Владимирович, объясните, пожалуйста, почему к 100-летию великого русского композитора Свиридова поставили памятник виолончелисту Ростроповичу?» Я не против, чтобы был памятник Ростроповичу, но, если нет памятника Свиридову, нельзя ставить памятник Ростроповичу! Если нет памятника Пастернаку, нельзя ставить памятник Бродскому. Если нет постановления о праздновании 150-летия Горького (2018), нельзя принимать постановление о 100-летию Солженицына (2018).

Кто вам это советует? Киньте их через бедро! Вы же дзюдоист! Ну хоть какая-то логика в этом должна быть! Её нет. Почему? Потому что сферу культуры оставили на кормление либералам образца конца прошлого века. Причём даже не либералам-государственникам, которые у нас есть, а либералам-антигосударственникам. Вот что ужасно. А для них тот, кто не боролся с собственным государством, не заслуживает памяти...

– **А Мединский, министр культуры? Он же вроде бы консерватор. Его все ругают.**

– Мединский не демиург. Я, например, будучи членом Общественного совета Минкульты, дважды подавал туда же прошение о финансовой поддержке экранизации моей остросовременной комедии «Чемоданчик». Думаете, дали? Нет. А вот Ю. Арабову на фильм о русских жёнах албанских коммунистов дали. Увы, среднее звено нашего чиновничества поражено рецидивирующим вирусом либерализма образца 1991 года. Государство отсыпает деятелям культуры деньги каждый год сотнями миллионов, а они (не все, конечно) изготавливают на эти средства толстые и очень дорогие палки, которые вставляют в колёса державы.

– **Хочу продолжить тему воспитания молодёжи и создания климата дружбы между народами, населяющими Россию. Хочу найти вместе с вами ответ – кто литературный или киногогерой нашего времени. Был Печорин у Лермонтова и князь Мышкин у Достоевского, был Григорий Мелехов у Шолохова, и киношный солдат Иван Бровкин, были учёные-ядерщики и колхозники. Вновь сошлюсь на Голливуд. Как известно, в США лет 30–40 назад всю действовали законы расовой сегрегации: неграм – одни скамейки в трамвае, белым – другие. В какой-то момент отцы-основатели поняли, что добром это не кончится. Законы быстро отменили, и за дело взялось министерство пропаганды и идеологии США – Голливуд. В американском и мировом прокате, как в пирожковой, начали печься фильмы, где полицейские пары стали формироваться по принципу: негр – белый. Где белых жуликов часто разоблачал негр, где даже мерзкий главный белый вампир, который вот-вот должен был впустить на землю Сатану, был повержен борцом с вампирами афроамериканским актёром. Сегодня американские актёры-негры – звёзды мировой величины: Дензел Вашингтон, Эдди Мёрфи, Уилл Смит, Холли Берри...**

Почему у нас на экранах не появляются новые герои? Почему не спасают мир русский в паре с чеченцем, татарин в паре с украинцем – да так, чтобы в финале их награждал в Кремле сам президент Золотой Звездой Героя? А уж если кто в этом самом кино понарошку погиб, то чтоб его, не русского, захоронили у Кремлёвской стены. И чтоб в кадре президент смахнул с лица предательскую слезу и прижал к себе вдову героя, и чтоб на гробе – российский флаг, как во всех американских фильмах.

Вместо этого продолжают крутить старьё 90-х годов о борьбе с кавказскими бандитами. Да, это было, но, если бездумно крутить сегодня, значит, нечего удивляться, когда кавказская молодёжь будет думать, что в Москве её продолжают видеть врагом. Кто за идеологию-то отвечает? Почему не воспринимают мировой опыт?

– К сожалению, государство, зашуганное жупелом советской цензуры, не решается влезать в эту важнейшую сферу. Там рулят люди, которые или занимаются решением своих тусовочных и финансовых проблем, или внедрением идей, которые нам абсолютно не нужны. Некоторые, когда их хватают за руку, сразу отбывают за рубеж. Что им социальный мир в стране, дружба народов, национальная и религиозная терпимость? Они – граждане мира, их родина там, где их банковский счёт. Любые разговоры о социальной справедливости они считают «отрыжкой совка». Почти все, кто финансирует производство сериалов, рулит на телеканалах, – очень богатые люди. Нормальный человек будет снимать очередной сериал про «чёрную кошку»? У нас больше поговорить не о чем? «Формат», «откат» – вот их боги. Россия для них – вахтовый посёлок, в котором надо всего лишь «нарубить капусты», и поболее, пока доверчивые аборигены не спохватились.

– **Юрий Михайлович, я думаю, что пора уже создать у нас министерство пропаганды Российской Федерации и сделать вас министром, а меня – вашим первым заместителем. А пока вернёмся к литературе. В книжных магазинах, особенно в крупных и раскрученных, довольно много покупателей. Почти везде стоят ваши книги. Какие предпочтения у сегодняшних читателей? Фэнтези, фантастика, политическая сатира, деревенская проза, лирика, поэзия или литература социально значимая, в жанре которой пишете вы? Кто кумиры первой четверти XXI века из литературных героев? Кто сегодняшние Пушкин, Шолохов, Аксёнов? О ком будут вспоминать и перечитывать из только что перечисленных. Пелевина будут вспоминать с Сорокиным? Дмитрия Быкова, вас? Кто сегодня герой?**

– Министерство пропаганды создавать не надо, а вот от Министерства Здравого Смысла я бы не отказался. Кто будет классиками? Поговорим лет через двадцать. Тут важно, каких писателей переиздают, перечитывают. Кого экранизируют. Хорошую книгу хочется экранизировать, а плохую нет. Как Дмитрия Быкова экранизировать? Никак. Нужно немного подождать, чтобы понять, кто останется. Но уже сейчас ясно: останутся и Распутин, и Белов, и Искандер, и В. Соколов... Литература, которая честно рассказала о нашем времени, будет интересна. Возьмём драматургию, уже сейчас видно, на каких авторов ходят, а на каких нет. На «лабораторную драму» не ходят. Неужели вы думаете, если бы современники не ходили на Шекспира, Мольера, Островского, они стали бы классиками? Однако информационное пространство, которое, увы, продолжает контролировать либеральный пул, ловко вводит общество в заблуждение.

Делается это так. Скажем, 27 октября в Театре сатиры в 300-й раз сыграли мою комедию «Хомо эректус». 300 раз! Аналогов нет. Если бы это был спектакль Улицкой и его сыграли бы в 50-й раз, об этом сообщили бы все. Обо мне – нет. Даже на канале «Культура» промолчали. Почему? Потому что автор – патриот. А патриот не может быть талантлив по определению. Ещё пример: в Баку, где 25 лет не ставили современную русскую драматургию, поставили мою

комедию «Халам Бунду». Успех, аншлаги! У нас в России никто ничего об этом не сообщил. Будь это пьеса братьев Дурненковых, все СМИ захлебнулись бы от восторга.

Увы, у нас в стране невыгодно быть патриотом. Почему? А вот почему. Когда придёт момент «Ч» и нужно будет поддержать Путина или его курс, вдруг выступит Улицкая и скажет: «Нам Путин не нужен!» И телевизор подхватит: «Это же сама Улицкая так думает, а у неё целых 50 спектаклей было!» Потом встрянет Поляков и бухнет: «Нет, нам нужны Путин и его курс!» «А кто такой Поляков? 300 спектаклей? А нам про это никогда не рассказывали!» Обидно, но это так... Желаящие сохранить голову должны ею хоть иногда думать...

– То есть сегодня титанических героев нет?

– Есть. А кто борется за русский мир на Донбассе, разве не герои? Они есть, но их не видно. Писать, ставить, снимать о них не комильфо... Почему? Спросите Эрнста и Фонд кино! Нужна мода на патриотизм. Мы должны добиться такого положения дел, когда быть антипатриотом неприлично. Девушка не поцелует...

– А почему Константин Райкин вдруг выступил о засилье цензуры. Что случилось?

– Старый приём: с помощью мифической борьбы за свободу, на которую никто не посягает, добиваются от государства новых дотаций и субвенций. Это же любимое занятие наших либералов. Они больше всего на свете не любят Российское государство, а больше всего обожают государственные награды и премии. Сатирик Хазанов стал полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством» раньше, чем Говорухин, Доронина, Лановой, Ширвиндт. Разве не смешно?

– Почему американские актёры и писатели не любят Трампа?

– Думаю, там так же, как и у нас, тоже очень влиятельна либеральная жандармерия. Это выражение из XIX века. Но как актуально!

– Вы хотели бы, чтобы в 2018 году выборы президента у нас были похожи на американские? Такие же весёлые, театральные и зубодробительные?

– Я бы хотел, чтобы они были поживее, нежели прежние. Ведь Путин, а я часто видел его в спорах, – прирождённый полемист. Он прекрасно информирован, мгновенно ориентируется в самых сложных вопросах, разит аргументами. Однажды в такую лужу посадил Познера, что любо-дорого... Зачем же длить эту дурацкую традицию времён похмельно-заторможенного Ельцина? Президент должен участвовать в теледебатах. Конечно, если он не монарх. По совместительству...

«Аргументы недели», 2015

Невольный дневник

Предисловие автора

Когда я был начинающим читателем, меня огорчало, что в собраниях сочинений классиков следом за любимыми произведениями идут зачем-то тома с публицистикой. «Не могу молчать!» Эх, Лев Николаевич, лучше бы помалкивал и сочинял продолжение «Войны и мира», а то ведь так и не рассказал, как Безухов стал декабристом, а Наташа поехала за ним в Сибирь. Или Пушкин! Сколько наш гений потратил сил на газетные перепалки с Булгариным, а «Египетские ночи», отраду отроческого эротизма, так и не закончил. Жаль...

Только с годами я понял, какое это увлекательное чтение – публицистика былых времён. Она доносит до нас бури и страсти минувшего, нравственные искания и политические сшибки, сотрясавшие людей, давно умерших, и страны, давно исчезнувшие с карт! Нет, это не прошлогодний снег, скорее некогда раскалённая, а теперь застывшая лава. И её прихотливые нагромождения странно напоминают ландшафт нашей нынешней жизни. Впрочем, ничего удивительного: проклятые вопросы и бездонные проблемы мы получили в наследство вместе с нашими землёй, историей, верой, вместе с супостатами – внутренними и внешними. Прочтёшь порой какое-нибудь место из «Дневника писателя», глянешь в телевизор, послушаешь очередного вольнонаёмного охмурялу и ахнешь: «Ну, Фёдор Михайлович, ну, пророчище!»

И всё же: почему поэты, прозаики, драматурги пишут статьи? Неужели они не могут свести счёты со временем при помощи, скажем, могучей эпопеи, разительной поэмы или комедии, которую современники тут же растащат на цитаты, как олигархи растащили общенародную собственность? А ведь есть ещё эпиграммы, памфлеты и антиутопии, позволяющие от души поквитаться с неудовлетворительной действительностью. Но литераторы, в том числе и автор этих строк, продолжают писать статьи. Почему? А потому, что процесс художественного творчества долог, сложен, противоречив и непредсказуем. Да и само влияние художественного текста на общество неочевидно и ненадёжно, напоминает скорее поддерживающую терапию или даже гомеопатию. А что делать, если требуется молниеносное врачебное вмешательство – тот же прямой массаж сердца? Ведь случаются события, от которых, как пелось в революционной песне, «кипит наш разум возмущённый», когда хочется отхлестать гнусную рожу действительности наотмашь, вывалить политикам, соотечественникам, самому себе всё и сразу, пока не остыл, не забыл, не перекипел, ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив...

Кстати, реакция общества и власти на актуальные публицистические высказывания гораздо острее и болезненнее, нежели на художественно упакованные инвективы. Иные начальники государства даже испытывают пикантное возбуждение, узнавая себя в цветистых сарказмах романиста. Но не дай бог заикнуться о том же самом в газете: старуха цензура тут же заточит свой синий карандаш.

6 октября 1993 года «Комсомольская правда» опубликовала мою статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», осуждавшую расстрел Белого дома. Все антиельцинские издания были к тому времени запрещены, и мой оказался единственным в открытой прессе протестом против утверждения демократии с помощью танковой пальбы по парламенту. Между прочим, стократ проклятые за жестокость большевики Учредительное собрание всего-навсего распустили. Почувствуйте разницу!

В итоге «Комсомольскую правду» тоже закрыли. Правда, на один день. Потом одумались и открыли. А меня занесли в какой-то чёрный список, из которого вычеркнули только при Путине, да и то не до конца: царь любит, да псарь не любит. А псарей вокруг любого царя, даже всенародно избранного, сами знаете...

Не могу сказать, что это сильно омрачило мне жизнь, хотя, скажем, из школьной программы разом вылетели мои повести, из энциклопедий исчезла всякая информация обо мне.

А «Литературная газета», где я прежде был любимым автором, закрыла передо мной редакционные двери до скончания века, точнее, до 2001 года, когда меня призвали туда главным редактором. Нет, я не жалею, а хочу обратить внимание на то, что любая власть борется с инакомыслием одинаково: начинает с замалчивания, а заканчивает замачиванием.

О патриотизме я писал тогда, когда само слово «патриот» было почти бранным, а теледикторы, если и произносили его, то с непременной брезгливой судорогой на лице. Не знаю, откуда взялась уверенность, что строить новую Россию следует на основе стойкой неприязни к Отечеству, но могу предположить: идея исходила от тех политических персонажей, которые видели в РФ лишь факторию для снабжения цивилизованного Запада дешёвым туземным сырьём. С патриотизмом боролись так же истово и затейливо, как прежние воинствующие безбожники с религией. И так же безуспешно. Мой прогноз оказался верен: сегодня патриотизм опять в чести, государство финансирует дорогие программы по воспитанию отчизнолюбия, на автомобилях развешиваются георгиевские ленточки, кудрявые эстрадные попрыгунчики снова запели о русском раздолье, вчерашние безбожники показательно крестятся, а те же самые теледикторы артикулируют трудное слово «патриотизм» с тяжким благоговением. Но почему, почему же у меня никак не исчезнет ощущение, что живу я всё-таки в фактории, занимающей одну седьмую часть суши?

Когда в 1997-м я впервые собрал воедино статьи, написанные в течение десяти лет и разбросанные по газетам-журналам, у меня получился своего рода невольный дневник. Именно дневник. Во-первых, я живо откликался на все значительные события и происшествия, вторых (это главное!), всегда был искренним в своих суждениях. А искренность в писательской публицистике встречается не так уж часто, хотя, казалось бы, именно откровенностью интересен литератор. Лукавство – это скорее трудовой навык политика. Впрочем, по моим наблюдениям, число профессионально неискренних писателей неуклонно растёт, это, наверное, какая-то мутация вроде клопов с запахом «Шанели». И нынче редкий столп общества или вечно лояльный деятель культуры отваживается свести в книгу и представить на суд читателя свои статьи именно в том виде, в каком они увидели свет двадцать, десять или пять лет назад. Для этого надо верить в то, что твоя деятельность не была противоречива до идиотизма или изменчива до подлости.

Я же не боюсь предстать перед читателем в изменчивом развитии, ибо заблуждался не в поисках выгоды, а если обольщался, то от бескорыстной веры в торжество справедливости и здравого смысла, который побеждает обычно в тот момент, когда башня, сложенная из нелепостей, падает на головы строителям. За минувшие два десятилетия я выпустил несколько сборников публицистики, и по названиям можно проследить, как менялись настроения, симпатии и устремления автора. Судите сами: «От империи лжи – к республике вранья», «Порнократия», «Россия в откате», «Зачем вы, мастера культуры?», «Лезгинка на лобном месте», «Перелётная элита»... Готовя тексты к печати, я лишь исправлял ошибки, неточности и огрехи стиля, объяснимые жгучей торопливостью, но оставлял в первозданном виде всё прочее, хотя мне и неловко за иные мои тонкоголосые пророчества и наивные суждения. Зато некоторыми прогнозами и оценками я горжусь, как поэт гордится метафорой, такой яркой и внезапной, что соперникам по джигитовке на Пегасе остаётся лишь завистливо цокать языками.

Новую книгу избранной публицистики я назвал «Быть русским в России» и подготовил её специально для издательской программы еженедельника «Аргументы недели», который создал и бессменно возглавляет мой товарищ-единомышленник Андрей Угланов. Я не однажды выступал на страницах «АН», знаю, с какой требовательностью читатели этого издания относятся к публицистическому слову, и надеюсь не разочаровать их.

И последнее соображение. Публицистика необходима писателю ещё по одной причине. Статьи и эссе, точно предохранительные клапаны, позволяют литератору выпустить лишний пар – социальный гнев, ярость оскорблённой нравственности, мимолётную обиду на подлость

эпохи, тоску бытовых неурядиц. Это важно, ибо настоящий художник не должен валить в своё произведение шелуху сиюминутности, он обязан отбирать осмысленные зёрна жизни. Ныне появились многочисленные литераторы, которые с помощью сочинительства лечат себя от ночных кошмаров и социального уныния, но, увы, чтение их текстов мало чем отличается от визита к дантисту, подрабатывающему ещё и проктологом. Да, художник имеет право на пристрастие, но без гнева. Он должен попытаться понять всех, ведь у самого последнего негодяя есть своя правота перед Богом, а у самого нравственного человека – свои помрачения сердца. Но об этом – в моих романах, повестях, пьесах...

Март 2019 г., Переделкино

Желание быть русским

1. Заботники и алармисты

В последнее время я всё чаще ловлю себя на желании быть русским. Видимо, это возрастное, почему-то свою племенную принадлежность мы острее чувствуем на закате жизни. Но возможно и другое объяснение: этнос – живой организм, у него тоже есть возрастные фазы, недуги, приливы сил и приступы бледной немочи, есть некие защитные механизмы. Человек связан со своим народом не только через язык, обряды, обычаи, «вмещающий ландшафт», историю, культуру... Мне кажется, есть ещё тайные, не изученные пока биоэнергетические узы, соединяющие людей одного рода-племени. Иной специалист назовёт это примордиальной чепухой. Вольно ж ему: генетику тоже считали одно время «продажной девкой империализма», а теперь можно сдать защёчный соскоб на ДНК-анализ и выяснить пути-перепутья своего рода, начиная чуть ли не с Ледникового периода. На эту тему мы ещё поговорим.

Впрочем, поэты всегда чувствовали такие «тонкие, властительные связи». Помните, у Андрея Вознесенского:

Россия, я – твой капиллярный сосудик.
Мне больно когда – тебе больно, Россия!

Как и большинство шестидесятников, автор «Треугольной груши» был озабочен тем, чтобы его личной, частной боли сочувствовали весь народ, вся большая страна. И я его понимаю. Но достаточно поставить знак препинания в другом месте («Мне больно – когда тебе больно, Россия») – и речь уже о том, что «капиллярный сосудик» тоже чувствует боль, недуг, немощь всего организма. Возможно, моё личное обострённое желание быть русским отражает «нестроение во всём народном теле», как говаривали в XIX веке.

Речь не о зове крови, хотя она тоже, как известно, не водица. В нашем многоплеменном Отечестве русский – тот, кто считает себя русским, не россиянином, а именно русским. Точнее, сначала русским, а потом россиянином. Рубашку на пальто не надевают. Ведь есть же граждане, которые ощущают себя сначала калмыками, вепсами, украинцами, немцами, евреями, грузинами, якутами, а потом уже россиянами или в крайнем случае гражданами РФ, что не одно и то же, о чём мы ещё поговорим. Этническая самоидентификация – категория тонкая: нажал и сломал. Она, подобно любви, не терпит принуждения и навязчивости. Русским, как и нерусским, никого нельзя назначить или обязать быть. Можно пытаться. А толку? В основе этнического самоопределения лежит желание человека принадлежать к данному народу, в нашем случае – «желание быть русским». Чем объясняется такое предпочтение – генетикой, культурой, языком, комплексом причин – пусть разбираются специалисты. Нам важно другое: с нежелания или боязни людей принадлежать к тому или иному этносу начинается исчезновение народа. В нашем случае – русского. Именно на этом построена сегодня киевская политика украинизации. Но мы говорим о России.

«А кто, собственно, вам мешает быть русским?» – строго спросит читатель, чуждый племенной романтики. Верно: по умолчанию слыть и быть русским мне никто не мешает. А во всеуслышание? Пожалуй, тоже не препятствуют, но и не поощряют. Помогает ли мне кто-нибудь быть русским? Вот уж точно – не помогает. А разве должны? По-моему, даже обязаны: чем меньше в стране будет граждан, ощущающих себя русскими, тем больше вероятность того, что Российская Федерация разделит судьбу Советского Союза. И об этом мы ещё поговорим. Если

бы в советских Прибалтийских республиках было столько русских народных хоров, сколько было эстонских, литовских и латышских, судьба этого региона могла сложиться иначе – и наши соплеменники не оказались бы там теперь на положении «унтерменшей». А во поле под берёзонькой там не стояла бы натовская техника.

Тема, за которую я взялся, щекотливая, и, поверьте, рассуждая о «национальной гордости великороссов», я не хочу огорчить ни один из сущих в Отечестве «языков». Но если проблема существует, о ней надо говорить, «разминать», иначе она сомнёт нас, что уже и случалось в нашей истории, густо замешанной на межплеменных коллизиях.

Всякий раз, когда телеведущий Владимир Соловьёв в эфире с гордостью напоминает миллионам зрителей про то, что он еврей, мне так и хочется вставить для полноты картины: «А я вот, знаете ли, русский!» Но даже стоя рядом с ним в студии, я этого не делаю. Боюсь? А чего мне бояться в 63 года? Смерти? Но она всё равно придёт по расписанию, которого мы просто не знаем. Лучше буду бояться поздней роковой любви. Один раз выручил Жириновский. Когда на меня за какое-то «неформатное» высказывание нажали почти все участники телешоу, Вольфыч остудил их пыл: «Вы его, Полякова, не очень-то! Он тут у нас в студии один русский... писатель». Как говорили во времена моей молодости, в каждой шутке есть доля шутки. Мы, русские, государствообразующий, но явно не эфиробразующий народ в Отечестве. Почему? Так сложилось. Или так сложили?

Странно сказать, но в России русским во всеуслышание быть как-то неловко. Дома – пожалуйста, а вот на работе или в эфире не то чтобы нельзя – можно, но как-то неинтеллигентно, что ли... Вы хоть раз слышали, чтобы Путин сказал: «Я – русский»? Конечно, тут есть деликатный момент: он президент многонационального государства и выпячивать свою этничность ему не совсем корректно. Медведеву, видимо, тоже. Он и не выпячивает. А вот Кеннеди любил вспоминать свою ирландскую кровь. Впрочем, его потом застрелили. Сталин же, обожая кавказскую малую родину, морщился, если ему напоминали, что он грузин.

Троцкий, тот просто приходил в ярость, когда кто-то заикался, что он Бронштейн. Троцкий – фамилия, кстати, дворянская. Однажды к нему, второму человеку в молодой Советской республике, пришла делегация сионских мудрецов и стала просить, чтобы поубавили террор и реквизиции, мол, это и по евреям тоже ударяет. Демон революции ответил, что он по национальности коминтерновец и частными вопросами не занимается. Впрочем, когда ему не доверили руководство всемогущим Госпланом, Лев Давидович заявил: «Это из-за того, что я еврей!» Члены ЦК глянули друг на друга и рассмеялись. Кстати, я в молодости, работая в Бауманском РК ВЛКСМ, застал «комсомольцев 1920-х», искренне считавших себя интернационалистами по «пятому пункту». Правда, дети и внуки многих из них в 1970–1980-е уехали из СССР на историческую родину. Видимо, половым путём «интернационализм» не передаётся.

Но вернёмся к главной теме нашего разговора. Так в чём же дело? Почему я, чувствуя себя русским, испытываю, некий дискомфорт в России, как, впрочем, и многие мои соплеменники? Поверьте, прежде чем усесться за эти заметки, я долго колебался, мол, стоит ли так подставляться? В нашей стране «русская тема» в открытой публицистике если не запретная, то и небезопасная: тронув её, легко прослыть русским националистом, а это совсем не то, что литовский, молдавский или грузинский националист. В нашем языке слово «националист» в отличие от английского имеет отчётливо отрицательную, как сказали бы специалисты, коннотацию. А сочетание «русский националист» – это вообще ярлык, который по оранжевой опасности приближается к жёлтой звезде времён фашистской оккупации. После публикации этих заметок, полагаю, меня выставят вон из многих престижных общественных органов, из того же Совета по культуре и искусству при президенте. Жаль, конечно, но судьба Отечества важнее, а она напрямую зависит ныне от русского вопроса.

Теперь обратимся к истории. Бывая на Маросейке, где я когда-то родился, прохожу мимо доходного дома, выстроенного в начале XX века, и всякий раз мне бросается в глаза табличка:

«В память о тех, кто ушёл из этого дома и не вернулся. 1932–1937. 1941–1945». Со второй парой дат всё ясно – Священная война. А вот первая озадачивает. Разве те, кого уводили из этого дома с 1917 по 1932-й, не в счёт? Их не жалко? К тому же те, кто «ушёл и не вернулся в 1932–1937», дружно и без особых угрызений совести заселились в квартиры тех, кого уводили в 1917–1931 годы.

Первопрестольная перед революцией была не такая многоплеменная, как ныне, и выходит, речь идёт в основном о русской элите: инженерах, учёных, педагогах, деятелях культуры, чиновниках, присяжных поверенных, купцах... Именно они населяли богатый дом, высоко вознёсшийся над двухэтажной посленаполеоновской застройкой. Правда, весьма странная мемориальная избирательность. И вывод напрашивается интересный. Оказывается, в головах людей, сегодня живущих в этом престижном доме, витает удивительная мысль: революция 1917-го – дело, в сущности, хорошее, если бы потом не случились 1930-е годы. Увы, этот странный факт тоже имеет отношение к заявленной автором теме. Но об этом ниже.

Думаю, я уже насторожил тех, кто испытывает трудности с самоидентификацией или же признает право на обострённое национальное чувство только за своим племенем. Среди подобных граждан больше всего алармистов, воспаляющихся при малейшем намёке на русский вопрос. Не волнуйтесь, друзья, автор – не русский националист, а скорее русский заботник – есть у Даля такое хорошее словцо. И заметки эти написаны именно с позиций русского заботника. Поверьте, таких заботников немало по всей стране и за рубежом. Я, к вашему сведению, прилежно выполняю совет Гоголя литераторам – «проездить по России».

Недавно, кстати, на Всемирном конгрессе русской прессы в Минске (для Николая Васильевича это была тоже, извините, Россия, точнее, Российская империя), одна журналистка, лет двадцать назад вышедшая замуж в Канаду, задумчиво заметила: «Странно, но здесь с трибуны почти не звучит слово «русский», разве только с какой-то иронией. Если бы у нас с такой интонацией произнесли слово «французский», был бы скандал... Они разве не понимают?» «Нет...» – «А почему вы им не объясните?» «Да всё как-то не соберётся...» – вздохнул я. Почему желание быть, называться русским вызывает у некоторых компатриотов иронию, сарказм, а иногда и раздражение? Почему мы должны быть русскими по умолчанию? Может, пора объясниться и объяснить, что нас это не устраивает?

Что с нами не так? Мы древний, героический, более того – государствообразующий народ Отечества. Русские оставили в мировой истории грандиозный след. Задаться в эфире вопросом «кто такие русские и есть ли вообще такой народ?» – может разве что телевизионная дура, которой мускулы, ворочающие языком, давно и окончательно заменили мозги. Серьёзные люди, принадлежащие к иному роду-племени, такого себе никогда не позволят, но и они напрягаются, заслышав «русскую тематику». Отчего? Почему озабоченность русского человека судьбой своего народа режет слух? Ведь мне же не режет слух, если, скажем, якут тревожится о сохранении своего языка, обычаев, генофонда, наконец. Я рад, если, допустим, человек, чьи предки сто лет назад вышли из Эривани, живёт в Москве, говорит только по-русски, но продолжает считать себя армянином. На здоровье! Эта верность своему роду-племени может вызывать только уважение.

Но едва заходит речь о проблемах именно русского, а не российского народа, в глазах иного «нетитульного» компатриота загорается тревога: а я как же? С ближними соседями совсем беда. Того же латыша, к примеру, начинает бить озноб, как будто слово «русский» – это «сигнальная ракета», следом за которой через границу пойдут танки. С чего вдруг? Мы – не вы. У нас никогда правящий класс не был однородным по крови, наоборот, периодически возникали недовольства обилием «неруси» вокруг престола или политбюро. Одна из претензий декабристов к правящей династии заключалась именно в том, что она «немецкая». Но об этом вспоминать неpolitкорректно. В России никогда, с призвания Рюрика, не было этнократического государства, как сейчас в Латвии. При советской власти никто не искоренял латышский

язык, наоборот, развивали, как умели, а умели мы это лучше, чем шведы и немцы, владевшие Балтией прежде. И вот русский язык теперь в Риге изводят, хотя он родной для половины населения миниатюрной державы. Откуда такой алармизм, такая реакция на всё русское? Что с нами не так? Почему межнациональная политика у нас и при царях, и при коммунистах, и сегодня замешана на некоей странной «русобоязни»? Давайте разбираться.

2. «Коренизация» и искоренение

Итак, читатель, продолжим наши рассуждения о том, почему в России неловко быть русским. Тут нам не обойтись без экскурсов в историю – сначала в послереволюционную, но доберёмся и до царских времён. После Октября победители взяли в межнациональной политике курс на «коренизацию». Суть её заключалась в том, чтобы каждый из больших и малых этносов бывшей империи обрёл все признаки цивилизованного народа. Бесписьменные племена получили алфавиты, срочно обучались коренные кадры для управления, культуры, науки, образования. Крупные и средние по численности народы (большинство впервые) обрели государственность – союзную или автономную. Даже на уровне деревень и аулов старались соблюдать национальное представительство. Народы получали новые имена, восходящие к их самоназваниям, более соответствующие традициям. Обидно же слыть самоедом лишь потому, что тебя так назвал острый на слово русский землепроходец, шедший «встречь солнцу». Теперь мало кто помнит, что до революции казахов называли киргизами, азербайджанцев – татарами, а марийцев – черемисами. Цель, по-моему, хорошая.

Плохо другое: для самого многочисленного народа империи наступало время искоренения. Упразднили привычное при царе-батюшке имя «великороссы». Видимо, первая часть этого сложносоставного слова казалась кому-то чересчур амбициозной, намекающей на великодержавность, которая, судя по протоколам и стенограммам пленумов-съездов, была самым страшным большевистским ругательством. Великороссов, ставших русскими, (из этнонима «русский» официально вычленили «малороссов» и «белорусов») объявили гнусной опорой трона, вероятной базой реставрации капитализма, черносотенной массой и привилегированными надзирателями в разрушенной «тюрьме народов». Ни больше ни меньше, хотя за кем могли надзирать мои предки – рязанские хлебопашцы? Исключительно за судьбой посевов в непростых природных условиях русской равнины.

Бухарин в 1923 году на XII съезде партии говорил, что русский народ «должен купить себе доверие прежде угнетённых наций». Как? «Побывать в более низком положении по сравнению с другими нациями». О каких прежних привилегиях велась речь, трудно понять, ведь основные обременения – воинская и прочие повинности – лежали прежде всего на русских. К слову, налогов «угнетаемые» инородцы платили вдвое меньше, чем «привилегированные тюремщики». А когда дехкан попытались послать на германскую войну, началось мощное среднеазиатское восстание 1916 года. В тягловом и военном смысле русские на самом деле были опорой трону, как потом и политбюро.

Увы, такова была изначальная установка. Ленин в знаменитой статье «О национальной гордости великороссов» в 1914 году писал: «Экономическое процветание и развитие Великой России требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами». Впрочем, вождь видел в нас не только плохое: «Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами». Любопытно, что еврейских погромов на землях Великой России вообще не было, но у политической публицистики свои законы.

Кстати, конспектируя эту статью в школе и плохо зная родную историю, я всерьёз воспринимал обличительный пафос знаменитой работы Ленина, даже испытывал чувство вины перед моими нерусскими одноклассниками, именно на таких невежественных читателей и была рассчитана статья. Интересно, что в той же стилистике и с теми же передёргиваниями фактов писалась и перестроечная публицистика, только вместо «шайки Романовых», попов и капиталистов фигурировали политбюро, номенклатура, коммунисты... Без видимых изменений в оценках из большевистской в перестроечную публицистику переключались только черносотенцы. Не верите? Возьмите номера «Огонька», авторы которого тоже учились в советской школе и конспектировали Ленина.

А вот статью Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия» (1913) мы ни в школе, ни в институте не изучали. Зря. Этот партийный текст гораздо взвешеннее и объективнее. Есть там строки, которые сегодня нормандская четвёрка могла бы включить в рекомендации для урегулирования конфликта на Донбассе: «Никто не имеет права насильственно вмешиваться в жизнь нации, разрушать её школы и прочие учреждения, ломать её нравы и обычаи, стеснять её язык, урезать её права...» Особенно беспокоило будущего «кремлёвского горца» проблема «вовлечения **запоздалых** наций и национальностей в общее русло высшей культуры...» Парадокс послереволюционного периода заключался в том, что тянуть к высшей культуре «запоздалые» народы пришлось «наказанной» нации – русским. В результате в Наркомате национальностей не оказалось даже русского подотдела, хотя остальные народы были так или иначе представлены. А русский отдел Института этнографии АН СССР возглавлял человек по фамилии Рабинович.

Зато на Украине «коренизация» приняла такой размах, что в конце двадцатых годов XX века там запрещалось в учреждениях и даже на улице говорить по-русски. Вам это ничего не напоминает? Кончилось тем, что шахтёры Донбасса обратились в ЦК с возмущением, мол, в их русскоговорящем крае, совсем недавно переданном Украине, газеты выходят только на «мове» – читать нечего. Центр возмутился, нет, не ущемлением прав русских, а тем, что устаревшая политическая информация не доходит до трудовых масс. В Москве озаботились и сбавили обороты, снимав с постов наиболее ретивых «украинизаторов». Но процесс уже был запущен, и не только на Украине. В 1991 году СССР был разорван детьми и внуками той самой «коренизации».

Кстати, «Дни Турбиных» из репертуара Художественного театра были сняты по требованию украинских «письменников», встретившихся с руководством страны. За что? А вы перечитайте пьесу, особенно тот эпизод, где показаны петлюровские бесчинства. В свежих республиках срочно писалась героическая, духоподъёмная история, где даже предательство, скажем, Мазепы, трактовалась как тираноборческий акт. А тем временем школа академика Покровского переписывала русскую историю с обратным знаком, показывая её как вереницу невыносимого гнёта, низкого холопства, позорных поражений и жестоких бесчинств. Его оппоненты, такие как Тарле, Платонов и другие, были по делу «русских историков» изгнаны из науки, посажены в тюрьму или сосланы. Именно в ту пору пострадал молодой учёный, впоследствии академик и «совесть русской интеллигенции» Дмитрий Лихачёв. А вот Михаил Грушевский, основатель независимого государства, председатель Рады (1918), эсер и историк, вернулся в 1924 году из эмиграции в Киев, где шла такая украинизация, о какой он и не грезил, стал всесоюзным академиком и умер в 1934 году в кисловодской санатории. Памятник ему стоит в Киеве.

Для сравнения: именно в 1924 году были арестованы и разгромлены члены кружка поэта Алексея Ганина, обвинённые в «русском фашизме». Представить себе, чтобы кто-то из лидеров русского самосознания вписался в советскую общественную жизнь, просто невозможно. Михаила Меньшикова расстреляли на берегу Валдая на глазах детей в 1918 году, Гумилёва чуть позже поставили к стенке по делу Таганцева, а прочих выслали на «философском паро-

ходе». На членов «Союза русского народа» охотились, как на собак, а ведь в этой организации был и Менделеев. Да что там! Вы видели хоть один памятник славянофилу в Москве? Я не видел. Почему? Это же крупнейшее направление мысли в нашей истории! Русский дух. Русью пахнет.

Чего в политике «коренизации» было больше – благородного стремления дать шанс на самоопределение и развитие каждому народу или же тактического лукавства, стремления лестью и льготами удержать народы бывшей империи в составе единого Советского государства до начала мировой революции? А её ждали верно и страстно, как эротоман в кустах ждёт купания обнажённых дачниц. Чего в «коренизации» было больше – желания уравнивать народы, как и классы, или окоротить недавнюю опору трона и базу возможной реставрации – русских? А такая угроза с учётом первых экономических и административных провалов молодой власти постоянно маячила, да и русские, скажем по совести, окончательно приняли советскую власть как свою только после победы над фашизмом.

У русских имелся, если хотите, особый, в чём-то мистический «завет» с государством, пронесённый сквозь тысячелетие. Наши предки рано поняли: на бескрайней равнине мы, окружённые кочевниками и агрессивными иноверцами, можем сохраниться как народ только в жёстких обручах державы – «наряда», по летописному слову, которое понималась гораздо шире, чем «порядок». Призвание на княжение Рюрика (возможно, балтийского славянина) объясняется именно этими обстоятельствами. Этим же объясняется и тот факт, что мы прощаем Кремлю излишнюю суровость и неудачи во внутренней политике, если ему удалось организовать отпор иноземному посягательству.

Соседская община, сложившаяся у восточных славян, построенная на сотрудничестве и соратничестве, разумеется, не давала той сплочённости, какую сообщает племенам кровнородственный союз. Те, кто бывал на свадьбах или похоронах русских москвичей и московских, к примеру, грузин, понимает, о чём речь. Именно в силу своей открытости иноплеменным соседям русские со временем создали огромное многоязыкое государство, но по той же причине, оставшись без «наряда», они расточаются и ассимилируются. Вы когда-нибудь видели горца в косоворотке, даже если он торгует в Рязани матрёшками? А вот русские на Кавказе мгновенно надели бурки, папахи да черкески с газырями. Частный случай? Да как сказать...

Думаю, лукавства в «коренизации» было всё-таки больше, нежели искренней заботы о самоопределении. Во-первых, марксисты не сомневались, что народы скоро сольются в земшарный трудовой коллектив, и Маяковский горланил про это совершенно искренне, призывая жить «единым человеческим общежитием». Во-вторых, СССР и был задуман как открытая конфедерация, куда по мере побед пролетариата должны вступить Германия, Англия, Франция и далее по глобусу. Именно поэтому, как весело указывал Карл Радек, в названии новой страны отсутствует имя «Россия». Продвинутому западному пролетариату присоединяться к отсталому российскому как-то неловко, а вот к Союзу Советских Социалистических Республик, где русским духом и не пахнет, – совсем другое дело.

Но гладко было на бумаге... Помимо коммунистов-интернационалистов, сформировавшихся в эмиграции, в правящем слое СССР оказалось немало людей, прежде всего озабоченных судьбами своих родных народов. И они относились к «коренизации» очень серьёзно, даже слишком. Кстати, и «большевики-государственники» тоже воспринимали её как временную уступку влиятельному на окраинах национализму. Сталин, боровшийся за федеративное, с жёсткой властной вертикалью устройство страны и уступивший могучему тандему Ленина – Троцкого, впоследствии назвал «национальное самоопределение вплоть до отделения» игрой, которую некоторые национальные товарищи восприняли слишком всерьёз, а зря. Но со временем одежда приросла к телу, и стало ясно: от этой игры отказаться уже нельзя, как нельзя отказаться от фундамента, дойдя до стропил. Конституционную вертикаль с успехом заменили партийные и силовые структуры, а также жёсткое отраслевое планирование экономики, они-то

и делали союзное государство по факту до поры унитарным. А с товарищами, всерьёз увлечёнными самоопределением своих племён, безжалостно разобрались.

К середине 1930-х был отменён институт лишенцев, касавшийся в основном детей русской элиты, им разрешили поступать в высшие учебные заведения, избирать и быть избранными. Но целое поколение носителей русского мировоззрения выпало из структур, определяющих духовную и интеллектуальную жизнь страны, вместо них пришли те, кому внушали, что именно великороссы виноваты во всех реальных и мнимых гнусностях царизма. Дети тех, кто занял места русских лишенцев, стали потом «шестидесятниками», «правозащитниками», «диссидентами», «прорабами перестройки». И в 1991-м во всём оказались снова виноваты русские, хотя трудно вообразить более интернациональный орган власти, чем политбюро. Напомню, в референтной группе ЦК КПСС, во многом определявшей курс, представители самого многочисленного народа страны были в меньшинстве. Чрезвычайно ослабили русский потенциал и два миллиона беженцев из революционной России, но зато они освежили одряхлевшее тело Европы, дали миру Зворыкина, Сикорского, Набокова, Стравинского, Дягилева, Фешина, Кандинского, Собинова, Шаляпина... Я рад за человечество, но лучше бы они достались моему Отечеству!

Конечно, Октябрь поднял с социального дна огромные пласты народных талантов, во многом возместив эти утраты. После «революции рабфаковцев», потеснивших старые кадры, после массового призыва в партию рабочей и крестьянской молодёжи, растворившей в себе интернационалистов, ситуация стала выправляться. Но носители естественного русского самощущения, нормальной, а не ленинской гордости великороссов так и не смогли в полной мере передать эстафету следующему поколению. Истребление лучших, охота на патриотов, полтора десятилетия «лишенства» сделали своё дело: русское самосознание ушло в подполье, мы стали русскими по умолчанию.

Перед войной нас всё-таки уравнили в правах с остальными народами СССР, вспомнили наших героев и победы, даже стали величать «старшим братом». Случилось это, когда «потянуло порохом со всех границ». Власть понимала: воевать с фашизмом, будучи в ссоре с самым большим народом, униженным и оскорблённым, очень опасно. И Александр Невский с киноэкрана крикнул в зал, обнажая меч: «За Русь!» Ещё несколько лет назад это было невозможно. Кстати, Гитлер очень рассчитывал на мстительность русских, которые в случае войны захотят поквитаться с обидчиками – «жидами и комиссарами». Не получилось. Власовцы были, но массовым явлением всё же не стали. Между прочим, крепостные крестьяне тоже не воспользовались нашествием Наполеона, чтобы получить свободу и передовое законодательство. Как тут снова не вспомнить мистический завет русских с государством, даже если оно к ним и несправедливо, ведь исчезновение куда хуже несправедливости. Да и будучи привержены Новому Завету (в советский период – латентно), русские не страдали ветхозаветной злопамятностью. А питомцам Ветхого Завета пока ещё мстить советской власти было по большому счёту не за что.

Это случилось через полвека.

3. Узники матрёшки

Когда я, молодой поэт, в 1980 году вступал кандидатом в члены КПСС, опаснее ярлыка, чем «русский националист», не было в природе. Второе место занимал «антисемитизм», который как-то сам собой вытекал из национализма. Третье место прочно удерживал «сионизм», существовавший вроде как отдельно от советских евреев. Дружбой народов и интернационализмом клялись, как мамой и папой. СССР казался твердыней и оставался твердыней до тех пор, пока союзное государство стягивалось железными обручами партийной иерархии, а в информационном пространстве царила моноидеология. Страну прошивали суровой нитью экономические связи отраслей и предприятий-смежников. Кроме того, историческую общ-

ность «советский народ» неусыпно охраняли от сепаратизма карательные органы. Любопытная деталь: точно предчувствуя сложные времена, партия, несмотря на живую память о репрессиях, двинула в 1982 году на первую роль в СССР председателя КГБ Андропова, что говорит о многом, прежде всего о готовности защищать единство державы всеми средствами.

Но едва КПСС во главе с Горбачёвым отказалась от руководящей и направляющей роли, всё сразу и посыпалось. Светофор, как в мультфильме, решил стать скворечником. Дело хорошее, но ставили-то светофор, чтобы движение регулировать, а не пернатых плодить. Вскоре регионы, в основном национальные, как самые требовательные и капризные, получили экономическую самостоятельность, сохранив дотации центра. А когда в довершение всего КГБ из цепного пса целостности превратился в клуб улыбочивых вуайеристов, страна затрещала по швам союзных границ. И нерушимый СССР распался.

Кстати, за всю историю Советского Союза власти предержавшие несколько раз хотели изменить территориальное устройство государства, понимая, какая мина заложена под страну. Последним замысливал такое Юрий Андропов, если верить свидетельству его помощника Аркадия Вольского, но генсек не успел, а, скорее всего, передумал... Почему? Давайте разбираться! После создания СССР козырную карту самоопределения разные политические силы почти пятнадцать лет разыгрывали в борьбе за власть. Даже Сталин, принципиальный сторонник культурной автономии, утвердившись в Кремле, не решился похерить проект союзного государства: тяжким грузом давили «ленинские заветы», а прослыть ревизионистом было небезопасно, да ещё на фоне сбоев в индустриализации, а потом «перегибов» в коллективизации, приведших к голоду во многих регионах.

Мы сегодня вообще преувеличиваем неколебимость сталинской власти, часто висевшей на волоске. Нравится это кому-то или нет, но партийная демократия в ВКП(б) существовала-таки, из президиума съезда вождь мог отправиться не только в Кремль, но и на Лубянку. Если партийные форумы, как утверждают иные либеральные авторы, это – всего лишь запрограммированные фарсы, то почему между XVIII и XIX съездами прошло 14 лет? Средства сэкономили? На фарсах у нас и сейчас не экономят. Не собирали съезды, так как боялись потерять власть, а как её лишаются на митингах и толковищах, мы в перестройку насмотрелись.

Затем были страшная война, тяжкое восстановление, проблемы с новыми территориями. Кстати, тут удачно воспользовались возможностями Союза как открытой системы: в него вошли, а точнее, вернулись, прибалтийские лимитрофы. Маленькие, но гордые, они стали аж союзными республиками с букетом прав вплоть до отделения. Оккупация? Это вы автономным татарам, калмыкам или якутам расскажите! Есть сведения, что Сталин хотел в начале пятидесятых вернуться к модели унитарного государства с широкой национально-культурной автономией, но так и не собрался, а может, не отважился.

Решительных действий, казалось, можно было ждать от волюнтариста Хрущёва, отписавшего Крым Украине и бывшего башмаком по трибуне ООН. Впрочем, сегодня впору стучать по той же трибуне головой полномочного представителя США. Жаль, как пел Высоцкий, «настоящих буйных мало». Но как раз троцкистский пестун Никита Сергеевич, жёстко наехавший на церковь и крестьянские подсобные хозяйства, он, вернувшийся в политический лексикон «мировую революцию», был убеждён: открытый всем желающим Советский Союз – это именно то, что нужно мировому рабочему и коммунистическому движению. Странно, что Куба не стала шестнадцатой республикой СССР, видимо, братья Кастро не пожелали переходить с гаванских сигар на «Беломор».

Осторожный Брежнев лодку не раскачивал и не внял мольбам Болгарии, упорно просившейся к нам в Союз. Я ещё помню обиду знакомых болгарских поэтов, задетых этим отказом. А вот Евросоюз их тепло принял в свои регламентированные объятия. И «братушки» – теперь полноправные члены враждебного нам военно-политического блока. Герои Плевны в гробах перевернулись, а генерал Скобелев, думаю, огласил кущи крепкой казарменной бранью.

Новая, брежневская Конституция 1977 года национально-территориальное устройство страны оставила без изменений, сохранив все накопившиеся противоречия, как в формалине. Во время её всенародного обсуждения никто не заикался об изменении союзной структуры. Я по приказу политотдела, отвечавшего за массовое законотворчество, изнемогал, придумывая для дивизионной газеты «Слава» разные глупые поправки к Основному закону, но в том направлении моя мысль даже клюв свой не поворачивала. В 70-й статье Конституции читаем: «СССР – единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик».

Но союзное не может быть единым по определению. Союзы заключаются и расторгаются. Если вдуматься, это то же самое, как если бы объявить, что семья создаётся на основе любви, верности, общих детей и совместного ведения хозяйства. Кто ж спорит? А если любовь кончилась, если «Земфира охладела» и пора разъезжаться? Тогда что? Развод? Но развод есть тоже «результат свободного самоопределения». Увы, никто не думает о будущем, когда в «крови горит огонь желанья»! Мамонтам и шерстистым носорогам ледник, достигавший порой двухкилометровой высоты, казался, наверное, настоящими горами, Тибетом, а потом вдруг потеплело...

В 1977 году я как раз служил в Группе советских войск в Германии, и в многоплеменном коллективе нашей батареи признаки надвигающегося межнационального неблагополучия ощущались довольно остро. Если кто и воспринимал себя частью «новой исторической общности», так это русские парни из промышленных центров, больших городов, включая столицы союзных республик и автономий. Про этих моих однополчан можно было смело сказать: они советские люди. А вот деревенские ребята с Вологодчины или Рязанщины к многонациональной державе относились с улыбочивым недоверием. Что же вы хотите, если их родные земли именовались официально не Россией, а Нечерноземьем? Русский рижанин и латыш выглядели как обитатели разных стран. Армяне и азербайджанцы в шеренге старались рядом не вставать. Призывникам из Средней Азии Москва казалась чем-то вроде Марса, дехкане-призывники по-русски почти не понимали. А мрачно непокорные чеченцы и ингуши уже тогда были главной головной болью отцов-командиров. В честных казарменных беседах с нерусскими сослуживцами, даже с украинцами и белорусами, я улавливал странное отношение к СССР как к солдатской шинели, мол, сейчас от неё никуда не денешься, но придёт «дембель», тогда и переоденемся во всё гражданское. Мне, юному столичному интернационалисту, это было в диковинку. Задевало мнение, будто Москва за счёт национальных окраин опухает и жиреет. Особенно комично это звучало из устатых грузинских уст.

Говорят, Андропов почти решился на реформу территориально-государственного устройства. Генсек всех призывал понять, в какой стране мы живём, и, видимо, предчувствовал, что при ослаблении гаек «узники» большой союзной матрёшки могут разбежаться. О сепаратизме он знал не понаслышке, работая в молодости на северо-западной окраине СССР. А в том, как хрупка политическая стабильность, убедился, будучи послом в Венгрии в 1956 году. Если верить мемуарам его помощника Аркадия Вольского, предполагалось упразднить союзные и автономные республики, а страну разбить на три дюжины производственно-экономических наднациональных округов. Кстати, такая идея рассматривалась в политбюро ещё в середине 1920-х, но не прошла. И вот опять всплыл тот же проект: свой язык, традиции, культура – пожалуйста, а в самоопределение поиграли и хватит!

Но Вольский отмечал нерешительность обычно жёсткого генсека при рассмотрении вариантов территориальной реформы. Думаю, колебания были связаны прежде всего с русским вопросом, ведь при этих переменах снова возрастала роль «имперской нации». А «русистов» (так Андропов называл коренную интеллигенцию, озабоченную судьбой самого большого народа страны) он недолюбливал и сажал их, будучи главой КГБ, охотнее, чем дис-

сидентов-западников. Соппротивление нацкадров в республиках тоже не исключалось. Когда вместо Кунаева в 1986 году Казахстан по решению Москвы возглавил русский руководитель Колбин, в Алма-Ате начались волнения. Впрочем, что теперь об этом вспоминать: Андропов умер, почти ничего не успев. Ах, если бы он ещё не успел выдвинуть Горби!

Именно по национально-территориальным швам, сиречь по «союзным» границам, часто условным, непродуманным, продиктованным политическим моментом, и лопнул СССР. Оказалось, запретную игру «в самоопределение вплоть до отделения» никто и не думал забывать, включая руководителей равноправных республик. Под клятвы, лозунги и песни о вечной дружбе выросли национальная интеллигенция и номенклатура, ждущая и жаждущая самостоятельности. Во время писательских застолий в той фазе, когда все женщины начинают казаться призывно-доступными, заводились странные разговоры о том, что мы, мол, и сами по себе не пропадём без Москвы. Чаше всего на недозволенные речи пробивало «письменников». Совсем не случайно «самостийников» на Украине возглавил секретарь по идеологии ЦК КП УССР Леонид Кравчук. В других республиках наблюдалась похожая картина.

Помню, от имени комсомола мы приветствовали XXVI съезд партии, и молодая надежда белорусской поэзии лауреат премии Ленинского комсомола Владимир Некляев взывал с трибуны Кремлёвского дворца: «Плыви, страна, эпохи ледокол!» От поэта буквально исходил ореол советского интернационализма. Лет через пять он стал лидером белорусских националистов. А «эпохи ледокол» подорвался на подводной mine самоопределения, болтавшейся у днища с 1920-х годов.

К моменту развала СССР сколько-нибудь влиятельных национальных лидеров и организаций не оказалось только в РСФСР, точнее, у русской части населения России, ибо в автономиях дело обстояло иначе: спасибо «коренизации». А откуда было им взяться – заботникам? Тех функционеров, кого явно заботила судьба именно русского народа, с 1920-х клеймили «великодержавниками» и регулярно прореживали. Институт «лишенцев» тоже не прошёл даром и обернулся утратой преемственности поколений. Когда будете в следующий раз смотреть довоенное советское кино, обратите внимание, как мало в титрах русских фамилий, особенно среди членов съёмочных групп, и это при тогдашней директивной моде на псевдонимы... Ханжонкова вы в титрах не найдёте, а ведь он остался в Советской России и даже продолжал работать в киноиндустрии.

В годы войны ситуация переменялась, ради победы и самовывживания партия на время свой интернационализм сдала на ответственное хранение. В «сороковые роковые» он бы выглядел смешно и опасно. Любого политрука можно было спросить: «Не ты ли, гад, обещал нам, что немецкий пролетариат не повернёт штык против братьев по классу, что революционная Германия вступит в СССР? А они на Москву прут!» К тому же тот особый завет русских с государством, о котором мы говорили выше, оказался одним из самых мощных ресурсов Красной армии. Эдакая этническая «катюша».

Командиры на личном опыте знали, если русских, скажем, в роте меньше половины, боевая мощь подразделения резко снижается. (Любопытно, что СССР рухнул, оказавшись небоеспособным, когда численность русского населения снизилась как раз до половины.) Конечно, сказанное не значит, что сыны других племён трусили на поле боя или плохо владели оружием, нет, личное мужество – явление наднациональное. Речь идёт об особом свойстве русских – сплавивать уходящем корнями в обычаи восточнославянской общины и жестокие уроки истории. «Сплотила навеки Великая Русь...» Помните? Оказалось, не навеки. Впрочем, история ещё не кончилась.

А Генералиссимус на победном банкете в 1945 году произнёс отдельный тост за русский народ и его долготерпение. Он знал, что говорил: в секретной папке вождя хранились отчёты «особистов» о том, как сыны разных племён державы вели себя на фронте и в тылу. Массовый

героизм и трусость тоже подлежали учёту-контролю. Недавно я наткнулся на эти выкладки в малотиражной научной монографии.

Впечатляет и озадачивает.

4. Нет такой партии!

«Нас не надо жалеть, ведь и мы никого не жалели...» – эта чеканная формула поэта-фронтовика Семёна Гудзенко многое объясняет тем, кто хочет понять сталинское время, отмеченное суровыми мерами в национальной политике. Речь прежде всего о депортации, которую я в отличие от безоговорочных сталинистов не считаю оправданной. Но такова мировая история: то, что потомком кажется преступлением, современники порой воспринимают как единственный выход из тупика. Война – это всегда состязание в бесчеловечности. К сожалению, в угаре перестроечных разоблачений суровость власти в пропагандистских целях отрывали от обстоятельств, вызвавших жестокие ответные меры. В результате Кремль стал восприниматься как некий карательный агрегат, генерирующий бессмысленную жестокость. Но всё было гораздо сложнее. Если кто-то захочет сегодня снять беспристрастный документальный фильм о трагедии депортированных народов, соединив, как говорится, начала и концы, вину и возмездие, то, полагаю, против показа такой ленты на ТВ будут все – и правые, и виноватые.

В истории любого народа есть свои чумные могильники, которые лучше не вскрывать. Ведь тогда, к примеру, придётся признать: самым массовым депортациям в XX веке подверглись именно русские, которых в 1920–1930-е годы взашей выселяли из обеих столиц, резко изменив демографию Москвы и Ленинграда. Русских депортировали из Центральной и Южной России, борясь с кулачеством, гнали с Кавказа, Дона, Кубани, Терека в процессе «раскалывания». А скажите: с точки зрения этнической истории массовая переброска трудовых резервов и специалистов на национальные окраины – это не депортация? Да, сыграла свою роль яркая идеология созидательной жертвенности, которая всегда находила отклик в наших сердцах. Но разве добровольцы, миллионами ехавшие под «Марш энтузиастов» к «запоздалым» народам, чтобы строить дома, школы, музеи, поднимать промышленность, образование, здравоохранение, целину, разве могли они подумать, что их внукам через полвека будут кричать: «Чемодан, вокзал, Россия!»

Лелея дружбу народов, российские ТВ и пресса молчат про это, но никто не забыл о сотнях тысяч наших соплеменников, бежавших на историческую родину, спасая жизнь и бросая всё нажитое. Сколько русских было ограблено и убито в годы самоопределения – до сих пор закрытая информация. Однажды лет десять назад на заседании Совета по правам человека Путин, отвечая правозащитникам, возмущённым слишком мягким приговором прапорщику, насвинячившему в Чечне, вдруг очень жёстко заговорил о страшных жертвах среди русских, которых безжалостно гнали с Кавказа, где они жили и трудились поколениями. Борцы за вашу и нашу свободу напряглись. Но президент, словно спохватившись, завёл речь о дружбе народов и был, наверное, прав: этническое согласие в многонациональном государстве – главное. Однако никто ничего не забыл, и мы усвоили этот исторический урок неблагодарности. Кстати, руководство нашей страны, даже чересчур поспешно, извинилось перед депортированными народами ещё в 1990-е. Однако я не помню, чтобы кто-то извинялся перед русскими беженцами... О компенсации даже речь не велась. Какая компенсация «оккупантам»? Эх, нам бы у многомудрых евреев поучиться искусству монетизации перенесённых страданий.

Но вернёмся в «сороковые роковые». После Победы продолжилась борьба с националистами и сепаратистами по всем азимутам. Досталось и «старшему брату»: время тостов и здравниц закончилось. Была безжалостно разгромлена так называемая «русская партия», сложившаяся в недрах КПСС под эгидой Жданова, Вознесенского, Кузнецова. Сформировалась она из тех молодых выдвиженцев, которые в конце 1920-х, по замыслу сталинской группы, должны

были вытеснить из партийных, хозяйственных и культурно-образовательных структур сторонников мировой коммуны и перманентной революции, заодно исправив перекося в национальном составе руководящих кадров. Практики и технократы, вчерашние рабфаковцы, они вошли в силу, распространились по союзным органам управления, ведь именно Жданов, а потом и Кузнецов ведали в ЦК ВКП(б) кадровой политикой.

Значит, готовилась «русская реконкиста»? Не думаю, хотя, возьми они власть после смерти одряхлевшего Сталина, многие перекося, порождённые революционерами-интернационалистами, были бы исправлены.

Чего же они хотели, эти русские заботники? По нынешним понятиям, совсем немного. Например, чтобы русские, точнее РСФСР, имели свои коммунистическую партию, академию наук, министерство культуры, свои творческие союзы... А ведь всем этим, как само собой разумеющимся, обладали союзные республики, даже такие миниатюрные, как Молдавия или Киргизия. «Русская партия» хотела, чтобы Центр больше вкладывал в восстановление и развитие русских областей, пострадавших от коллективизации, экономического донорства и войны. Для улучшения снабжения оголодавшего населения ленинградские руководители пошли, к примеру, на возрождение ярмарочной торговли, что было квалифицировано потом как экономическое преступление. «Русскую партию» безжалостно уничтожили в ходе Ленинградского дела, инициированного после смерти Жданова.

Подозрительному Сталину внушили, что якобы созрел заговор, наподобие того, который перед войной должен был привести к власти маршала Тухачевского. Заговорщиков вождь всегда карал без колебаний. Тогда погибли десятки «русистов», включая лидеров, а тысячи лишились свободы или работы. Жертв этого политического погрома было несравнимо больше, чем пострадавших в ходе борьбы с космополитами, а ведь её принято считать пиком жестокости позднего Сталина. Кстати, как ни странно, дело «космополитов» началось с письма в ЦК ВКП(б) критика и прозаика А. Барщаговского, он предлагал обратить внимание на засилье «русистов» в литературной и театральной сфере. Стали разбираться, но пришли к обратным выводам. И прилетела, как говорит молодёжь, «возвратка»...

Почему вождь увидел в «русской партии» угрозу государству? Разве для Сталина «русский вопрос» был новостью? С первых лет советской власти на съездах и пленумах обсуждалась идея объединить русские губернии, дав им статус отдельной республики. Но каждый раз инициатива наталкивалась не только на боязнь гидры «великодержавного шовинизма», но и на чисто организационные трудности. Посмотрите на карту СССР: земли, компактно заселённые многочисленными этносами бывшей империи, словно омываются русским океаном. Архипелаг. Не ГУЛАГ, конечно... Попробуйте-ка провести границы! Невозможно, огороды придётся делить. Выдвигался ещё один убедительный аргумент против: почти все столицы союзных и автономных республик тогда являлись по этническому составу русскими городами, да и основаны были зачастую русскими. Что делать с этим? Обижать нацменьшинства нельзя, это же СССР, надежда мира, а не нынешняя Прибалтика.

Были и другие опасения: а вдруг, получив свою, пусть и квазигосударственность, свои органы власти, русские сосредоточатся на себе, откажутся от экономического донорства и займутся собственными проблемами, которых ещё со времён царя-батюшки накопилось выше крыши. Кто тогда потянет «запоздалые» народы в социализм? За счёт кого будут датироваться отсталые регионы? А ведь, возгордясь, «кичливый росс» может и так вопрос поставить: почему страной руководит грузин, а не русский? Так думал Сталин или не так, теперь никто не расскажет, но тех, кто пытался отстоять интересы самого большого этноса державы, уничтожили или загнали в подполье. Однако принцип: нет человека – нет проблемы тут не сработал. Людей не стало, а проблема никуда не делась.

Нельзя сказать, что русскую проблему совсем не осознавали наверху, с 1956 по 1966 год существовало Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В 1953 году было создано Министерство культуры

РСФСР. Наконец-то! В 1958-м – Союз писателей РСФСР, который возглавляли последовательно Леонид Соболев, Сергей Михалков, Юрий Бондарев. СП РСФСР был одной из самых влиятельных творческих организаций страны и остался бы таким, не возглавь его в середине девяностых Валерий Ганичев. Один из влиятельных «русистов» советской эпохи, доросший до главного редактора «Комсомольской правды», в новых исторических условиях как организатор он оказался совершенно беспомощным и болезненно корыстолюбивым. Бывший комсомольский функционер, Ганичев истово сосредоточился на «православном тренде» и превратил СП РФ в своего рода «подполье под стеклом», лишив русских писателей традиционной сцепки с властью, которую умело использовали либеральные группы, взявшие под контроль почти всё литературно-издательское пространство. В результате русская ветвь отечественной литературы ослабла и почти маргинализировалась.

С момента основания СП РСФСР в него вошли сотни авторов, пишущих на языках народов России, но именно эта организация стала центром возрождения и модернизации русского самосознания. Писатели (литература в известной степени заменяла в советской системе политическую оппозицию) вновь после долгого замалчивания поднимали «русский вопрос». Исторические романисты, критики, публицисты А. Югов, В. Пикуль, В. Чивилихин, Д. Балашов, В. Кожин, М. Лобанов, В. Иванов, С. Марков, Ю. Селезнёв, Ю. Лошиц, Д. Жуков и многие другие развеивали чёрные мифы отечественной истории, засевающие в головах ещё со времён красного академика Покровского. «Деревенщики» Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин, Е. Носов, В. Шукшин, М. Алексеев, С. Сартаков, Б. Можаев, Г. Марков, П. Проскурин, Ан. Иванов писали жёсткую правду о трагедии русского крестьянства во время революции, великого перелома, войны, о героизме колхозного тыла и бедственном положении послевоенной деревни. Во многом под влиянием этих публикаций было принято постановление ЦК КПСС о развитии Центральной России, выброшен лозунг: «Нечерноземье – наша целина!» Лучшее поздно, чем никогда. Несмотря на отрицательную демографию, русская деревня перестройку встретила на подъёме...

Помню, в середине 1970-х у нас на поэтическом семинаре обсуждали какого-то автора, прочитавшего жалостные стихи про колхозника, что забрёл в ГУМ и увидел в витрине шубу, стоившую тысячу рублей. И вот этот бедно одетый человек с мозолистыми руками просто остолбенел, не понимая, кто же покупает тулупы из цигейки за такие неслыханные деньги! Руководитель нашего семинара Вадим Витальевич Сикорский похвалил стихи за эмоциональность, поругал за плохие рифмы и заметил, что теперь в деревнях появились оборотистые хозяева, которые могут спокойно купить и запихнуть в суму перемётную пару таких шубеек. От себя добавлю: в детстве я ездил с дедом и бабушкой летом на Верхнюю Волгу в деревню Селищи неподалёку от Белого Городка. В памяти осталось, что жили колхозники очень скромно, хотя на работу вставляли с петухами. Но когда лет через пятнадцать лет, в середине 1970-х, я приехал в деревню моего детства на рыбалку с друзьями, то обнаружил едва ли не в каждом дворе мотоцикл, реже – автомобиль.

В 1990 году всё-таки была создана Компартия РСФСР, правда, без собственных программы и устава. Она честно попыталась противостоять разрушителям страны, но, во-первых, процесс зашёл слишком далеко. А во-вторых, долгожданная КП РСФСР во главе с Иваном Полозковым выглядела на политическом поле как Медвежьегорский народный театр на сцене МХАТа: ни опыта, ни традиций, ни кадров, ни обаяния...

Я в ту пору был молодым активным писателем, понимавшим, что гибельному курсу Горбачёва нужно активно противодействовать, но мне даже в голову не пришла мысль, прижав к груди партбилет, встать под знамёна КП РСФСР. Какая-то она была, прости господи, стое-росовая.

Но даже этот неумелый шажок русских к обозначению своих политических прав, своего места в уже не дружной семье народов вызвал бешенство, поднялся визг о якобы «возрожде-

нии русского фашизма». Журналисты, которые поощряли парад национальных фронтов в республиках агонизировавшего СССР, буквально зверели, если кто-то произносил в эфире само слово «русский». «Это же прилагательное, – кривились они. – А настоящий народ – существительное!» Но это ещё полбеды. Спецслужбы, тайно поощряя национальные «фронты», всячески препятствовали самоорганизации и сплочению русского населения в союзных и автономных республиках. Ну, не любили в КГБ «русистов», и это потом роковым образом сказалось на судьбе страны, ведь если бы, например, против «саюдисов» вышли «светло-яры»... Но не будем о грустном!

Помнится, все горячо обсуждали тогда утку, запущенную Собчаком, о зверствах спецназа, якобы рубившего свободолюбивых грузин на площади в Тбилиси сапёрными лопатками. Мы сидели в молодёжной газете и выпивали с моим старшим другом поэтом Александром Ароновым. Он никак не мог успокоиться: «Нет, Юр, ты подумай: лопатами! За что? За желание независимости! Да как же можно! Живых-то людей! Давай выпьем стоя!» Выпили. «А если на Красную площадь выйдут «русские фашисты»? – лукаво спросил я. – Их-то можно сапёрными лопатками?» «Их? Ни в коем случае! Только огнемётами, а лучше – напалмом!» – был ответ. С тех пор мы никогда вместе не выпивали, да и вообще раззнакомились:

И с другом не будет драки,
Если у вас друга нет...

5. Сослагательное наклонение

Таким образом, на историческом переломе «старший брат» остался без лидеров (Хасбулатов, понятно, не в счёт), без действенных политических структур и организаций. Трагическая судьба перспективного Фронта национального спасения, который возглавлял Илья Константинов (я сам ходил на его митинги), ещё ждёт своего исследователя. Но из недавнего общения с этим ярким политиком переломной эпохи я вынес ощущение, что Народный фронт, пытавшийся противостоять развалу, был умело выведен из большой политической игры не без участия всё тех же спецслужб. Партийные же функционеры, русские по преимуществу, в смысле отстаивания интересов своего народа выглядели точно кастраты в женской бане.

А Ельцин проявил себя в Беловежской Пуще как обыкновенный аппаратный перестраховщик. Ему, «уральскому самородку», даже в голову не пришло озаботиться интересами России в новой СНГ-конфигурации и поставить вопрос о судьбе русских (не по крови, конечно, а по языку и менталитету) в отделяющихся республиках. Нельзя! Неудобно! Это же великодержавный шовинизм, а номенклатурных карьеристов пугали им ещё в колыбели районной партшколы. В самом деле, как можно было не обсудить в Пуще статус Крыма? Ведь украинская делегация, по воспоминаниям Кравчука, ради «незалежности» пошла бы на любые уступки. Как можно было не оговорить транспортный коридор из России в Калининград? Даже побитой Германией разрешили наземный и воздушный транзит. Наша арtpолк стоял на обочине Гамбургского шоссе, по нему из ФРГ в Западный Берлин неслись автомобили, а над нами кружили натовские «рамы» – так низко, что видно было улыбающееся лицо пилота в открытой кабине.

Как же так?..

Теперь-то понятно: Ельцин покупал власть в России ценой сдачи СССР, подталкивая союзные республики и даже автономии к разрыву с Центром. А как ещё понять дикий призыв: «Берите суверенитета сколько сможете!» Даже многие местные руководители колебались, понимая свою ответственность за разрушение единого экономического организма. Но предательство тех, кто с помощью зарубежных специалистов по цветным революциям захватил власть в Москве, обрекло СССР на катастрофический развал. А был ли у многонациональной

страны шанс? Мне сразу ответят: «Если бы да кабы... У истории нет сослагательного наклонения!» У истории, как движения общества из прошлого в будущее, точно нет, а вот история, как наука, этими самыми «если бы да кабы» просто-таки обязана заниматься с утра до вечера. В этом её предназначение. Просчитывая и анализируя возможные, но не случившиеся по разным причинам варианты событий, мы осмысливаем исторический опыт, работаем над ошибками, предотвращаем рецидивы неверных управленческих ходов. Нам в многоплеменной России сегодня анализ причин и механизмов развала СССР необходим как прививка от смертельного мора.

Давайте на минуту допустим следующее: в Москве в конце 1980-х у руля оказался умный, волевой, патриотичный лидер наподобие Путина, Назарбаева, Лукашенко или Примакова. Возможно? Почему бы и нет. Мог бы он с единомышленниками изменить ситуацию? Думаю, да. Хочу напомнить: в 1990 году (об этом как-то подзабыли) Съезд народных депутатов всё-таки принял процедуру выхода из СССР. Опираясь на неё, можно было диктовать условия жаждущим самоопределения республикам. И прежде всего за основу границ новых государств следовало взять те территории, с которыми союзные республики некогда вошли в СССР, а принадлежность земель, обретенных под игом «Красного Египта», определять с помощью референдума. Для подготовки плебисцита, уточнения границ, проработки прав нацменьшинств, в том числе русских, пришлось бы объявить переходный период. Обычная мировая практика. Именно так расходились чехи и словаки. Сколько лет дали Британии на выход из Евросоюза? То-то же! А наши братские республики во главе с РСФСР выпрыгнули из СССР, как проститутки из горящего борделя.

Теперь прикиньте, кто бы с чем остался после выполнения всех процедур согласований и референдумов! Уверяю, процесс достижения консенсуса, а значит, переходный период затянулись бы надолго. Полагаю, некоторые республики предпочли бы сохранить Союз, чтобы не сжаться, как мошонка на морозе. Не понадобилось бы через четверть века возвращать в родную гавань Крым, он бы никуда не уплывал. То же можно сказать о Донбассе, Луганске, Приднестровье... Не было бы утеснений русских в этнократических лимитрофах, сноса памятников героям войны, запрещения русского языка, ведь в переходный период можно подробно прописать языковые, культурные и политические гарантии русских и русскоязычных граждан, составлявших кое-где половину населения. В Финляндии шведов меньше 10 процентов, а там официальное двуязычие. Представьте: сегодня в Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии и т. д. этнический состав депутатского корпуса пропорционально соответствует численности национальных общин. А? Поняли? Мы имели бы под боком друзей, а не супостатов.

Могла история пойти таким путём? Могла. Но не пошла. И не потому, что хотели, да не вышло. Никто даже не пытался. Вот в чём трагедия! Но я надеюсь, в случае (не дай бог!) очередного кризиса государственности русские не окажутся снова в положении «межэтнического вакуума», без лидеров и надлежащих структур, как это случилось в 1991 году. Напомню, что в оживившуюся после самоубийства КПСС игру «самоопределение вплоть до отделения» включились тогда почти все народы СССР, кроме, пожалуй, евреев, цыган и русских. Первые уже получили своё национальное государство – Израиль и биться за независимость далёкого Биробиджана не собирались. Вторые как-то за тысячелетие таборных скитаний не заморачивались идеей государственности: «Мы кочуем по долинам и холмам...» А русские вообще не воспринимали себя народом, имеющим отдельные этнические интересы, все свои планы и устремления связывая с многонациональной страной. Так их воспитали история, церковь и власть, не только советская.

Вопрос об интересах русской части державы тогда вообще не ставился, если не считать предупреждения Валентина Распутина. На одном из съездов он строго молвил: смотрите, сепаратисты, а то Россия сама отделится от СССР, тогда увидим, кому придётся хуже. Конечно, это заявление было скорее эмоциональной реакцией на неадекватность иных «самоопределен-

цев», нежели реальной угрозой, ведь «независимость» русских – по сути, гибель российской цивилизации. Но такие уж настроения царили в ту пору. Помню, на каком-то писательском форуме один украинский «писмен-ник» договорился до того, что Чернобыль нарочно устроили москали, чтобы отравить украинскую экологию, – тогда «малороссы станут малорослыми». Сидевший со мной рядом поэт из Минска добавил с иронией: а ещё для того, чтобы белорусы стали в самом деле белыми – бледными и малокровными. Майдан в головах кипел задолго до незалежности.

Кстати, в отношении государств, возникших на месте СССР, слово «независимость», по моему, употребляется некорректно. Правильнее говорить о самостоятельности. Если помните, в России при Ельцине даже пытались праздновать День независимости, тщетно призывая народ к ликованию. Все переглядывались: а мы-то от кого зависели? Теперь вот зависим от Вашингтона. А тогда? Объясните! Но что мог Евгений Киселёв, главная говорящая голова НТВ, если он и слова-то с трудом считывал с бегущей строки! При Путине сообразили: с таким же успехом можно отмечать день ампутации ноги на том основании, что стало меньше расходов на обувь.

Теперь у нас День России, кажется...

Однако на просторах бывшего СССР дни независимости и сейчас широко празднуют, а отцы нашей державы всякий раз тепло поздравляют тамошних отцов с этой самой независимостью. Соседи могут называть своё самоопределение как хотят – их право. Но нас-то кто заставляет в официальной риторике повторять слово, бросающее тень на всю нашу историю? Освободившиеся колонии, например Индия, Мексика, Филиппины, – совсем другое дело. Их сначала захватили, лишили государственности и долго грабили, а потом они завоевали себе независимость. Но кто захватывал и грабил Украину с Белоруссией? Разве что Польша...

Напомню: многие племена влились в состав России добровольно. Иные, как Грузия, слёзно умоляли взять их под высокую царскую руку. Некоторые территории вместе с населением достались нам от побеждённых держав, где аборигены не имели вообще никаких прав и примет государственности. За те же прибалтийские земли, отошедшие к России по Ништадтскому миру, мы заплатили Швеции 2,5 миллиона золотых ефимков. Огромные по тем временам деньги! Как вы думаете, Аляска, купленная Америкой и гораздо дешевле, в случае распада США тоже будет праздновать день независимости?

Конечно, Россия раздвигала границы не бескровно, особенно там, где сталкивалась с интересами других империй – Британской, Османской, Австрийской... Да, Хиву и Коканд брали штурмом. Но день-то независимости празднуют не Хива и Коканд, а Узбекистан, сформировавшийся в нынешних границах и получивший государственность в составе СССР как союзная республика. Вряд ли плод в чреве матери стоит называть узником совести, а перерезывание пуповины – обретением независимости.

Даже западные специалисты называют СССР «империей наоборот», отмечая, что Московская метрополия всегда подпитывала свои окраины, а не выкачивала из колоний ресурсы, как Лондон или Париж. Достаточно в советские времена было перенестись из русской деревни в молдавскую или грузинскую, чтобы понять, где пироги пышнее. Катастрофическое падение уровня жизни в Грузии и Молдавии после 1991 года – тому подтверждение. Ещё одним аргументом являются демографические показатели. Вот таблица этнического состава Российской империи накануне её гибели (1917) и СССР перед распадом (1989).

	1917 год	1989 год
	млн чел.	
Русские	71	145
Узбеки	1,9	16
Казахи	3,1	8,1
Азербайджанцы	1,9	6,8
Татары	3	6,6
Грузины	1,8	4
Армяне	1,9	4,6
Таджики	0,5	4,2
Киргизы	0,75	2,5
Чеченцы, ингуши	0,3	1,2

Даже если учесть национальные и религиозные особенности, климат, процент городского населения, военные потери, террор, массовый голод и т. д., любому очевидно: угнетаемые народы не дают такой высокий прирост населения в сравнении с «угнетателями». Никакие аналогии с западной колониальной системой тут не уместны, поэтому следует говорить об обретении бывшими республиками СССР **са-мо-сто-я-тель-но-сти**, и никак иначе. Пользуясь словом «независимость», мы приписываем России колонизаторское прошлое, которого не было. Надеюсь, мои строки прочтут если не сами отцы державы, то хотя бы их спичрайтеры. Если они вообще что-то читают...

Кстати, по переписи 1989 года, как вы заметили, в СССР обитали 145 миллионов русских, в РСФСР – примерно 118 миллионов. По переписи 2010 года, русских в РФ – 111 миллионов. Считать умеете? К тому же мы сегодня самый многочисленный разделённый народ в мире. Печальное первенство. Но и об этом у нас тоже говорить не принято, ведь мы же русские по умолчанию...

6. Ненаши

Из вышесказанного может сложиться впечатление, что русский вопрос возник при советской власти, а при царях-батюшках его и в помине не было. Но это не так. Конечно, в ту пору выходцы с Кавказа не обижали тихих насельников Кандопоги, а дехкане, ставшие гастарбайтерами, не теснили московских обывателей, вологодских пахарей и чалдонов. Но межплеменные «тёрки», как нынче выражаются, конечно, имели место и прежде залпа «Авроры».

Первым в ряду стоял остзейский вопрос, ныне почти забытый. Помните, у Чехова Тузенбах восклицает: «Вы, небось, думаете: расчувствовался немец. Но я, честное слово, русский и по-немецки даже не говорю. Отец у меня православный...» Тут слышен отголосок давнего конфликта, вызванного обилием немцев, преимущественно прибалтийских, в правящем слое империи. А где власть – там и богатства. 25 процентов предреволюционной крупной буржуазии составляли немцы, хотя их доля в населении равнялась 0,75 процента (2 миллиона). И это не могло не раздражать большинство. Евреи, кстати, держали в крупной буржуазии третье место: 12 процентов при общей численности около 7 миллионов. Процент высчитывать не стану, а то ещё обвинят в антисемитизме.

Остзейская проблема уходит корнями в историю. Дворяне из небогатых германских княжествах и бывших орденских земель валом валили на щедрую русскую службу. Принцесса Фике, будущая Екатерина Великая, буквально заболела от потрясения, попав из своего скаредного европейского закутка в роскошь петербургского двора. Я упоминал уже, что Николай I воспринял восстание декабристов как мятеж русской родовой знати против «немецкой» династии. Не случайно диктатором восстания был выбран отпрыск древнего рода Рюрикович – князь Трубецкой. К несчастью, варяжской решительностью предков он не отличался. Может быть, это и к лучшему. Наши школьные представления о целях и мечтах декабристов несколько романтизированы: «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы...» Во времена моей литературной молодости советские классики любили пошутить: «А вы знаете, голубчик, что Пушкин советовал «душить прекрасные порывы»?»

Любопытен в этом смысле проект Пестеля по решению еврейского вопроса, который возник в России после раздела Польши. Так вот, декабрист планировал, придя к власти, собрать всех иудеев империи (тогда более двух миллионов) в одном месте, построить в колонны и пешкодралом отправить в Палестину. На сомнения соратников, мол, кто же позволит им пересечь столько границ, полковник отвечал: «А кто остановит такую орду!» «А пропитание?» – не унимались оппоненты. «Добудут!» Согласитесь, столетние колебания Романовых по поводу черты оседлости, стоившие им доброго имени в мире, – пустяк в сравнении с «окончательным решением вопроса» по Пестелю, бравшему за пример ветхозаветные депортации народов.

Николай I на свой лад усвоил урок Сенатской площади и после подавления восстания лишь усилил чужеземную партию вокруг трона, объясняя: мол, те же остзейцы служат мне и династии, а русские будут служить России, и к чему это может привести, уже видели! Отторжение коренной элиты от власти лишь умножило ряды тайных и явных недоброжелателей престола. Разумеется, среди немцев мы найдём и Тотлебена, и Дельвига, и Крузенштерна, и Брюллова, принёсших славу Отечеству. Но бывали кадровые ошибки. Так, внешней политикой сорок лет рулил Карл Роберт фон Нессельроде, которого Юрий Тынянов называл «злым карликом». Родившийся в Лиссабоне и окончивший берлинскую гимназию, Карл так и не научился толком говорить по-русски, зато благодаря матери знал идиш. За откровенно проавстрийскую ориентацию его именовали министром Венского двора в Петербурге и даже считали «врагоугодником», агентом влияния, выражаясь по-нынешнему. Кончилась «нессельродовщина» катастрофой – предательством Австрии, которую Николай I спас от развала в «бунташном» 1848 году. В итоге: изоляция России и крымское поражение с тяжелейшими геополитическими последствиями. Некоторые исследователи считают, что на совести Нессельроде, точнее, его окружения, включая жену, и гибель Пушкина. Поэт, как истый русский дворянин, с африканской страстью выступал против тех, кто, «дерзко презирая народ чужой, чужие нравы», «жадной толпой» теснился у трона. Автор «Бориса Годунова» сокрушался, что коренное дворянство вытесняется юркими иноземцами:

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух,
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух...

В новейших исследованиях, в частности, книгах калининградского историка В. Шульгина реконструируется целое идейное течение тех лет, названное автором «тайным русским консерватизмом». Опиралось оно как раз на чувство незаслуженного ущемления и принижения самого крупного народа империи. Концепция Шульгина помогает глубже понять конфликты не только политической, но и литературной жизни первой половины XIX века.

По остроте остзейскому не уступал польский вопрос. Не случайно именно с ним связано знаменитое пушкинское стихотворение «Клеветникам России», которое до сих пор возмущает наших либеральных авторов, готовых по любому другому вопросу «с Александром Сергеевичем поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа».

Про «дело падшее Литвы» писал и Михаил Лермонтов:

Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает, вам обидна
Величья нашего зря;
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя...

И пусть читателя, приученного заглядывать в академические примечания, не смущает, что поэт как бы заступает за Николая I, подвергшегося оскорблениям во французской прессе из-за подавления очередного польского мятежа. На самом деле эти стихи, по-моему, – скрытый упрёк династии, упорно предпочитавшей «кичливого ляха» «верному росу». Кстати, травля императора в европейской прессе была организована польскими политическими эмигрантами. Клиническая «полонофилия» царей вызывала негодование в обществе. Вы будете смеяться, но контрибуцию от поверженной Франции Александр I потратил на переобмундирование русской армии и (внимание!) восстановление разрушенной Варшавы. А ведь сама Москва и полстраны после нашествия являли собой пепелище. К тому же все знали, что едва ли не на четверть наполеоновская армия состояла из перекинувшихся поляков. Патриотически настроенные современники были в бешенстве.

Польская тема – одна из самых болезненных в дореволюционной России. Поляки по численности уступали только русским (великороссам, малороссам, белорусам), третье место занимали евреи. По российскому обычаю после присоединения части земель Речи Посполитой к России (остальные отошли к Пруссии и Австрии, инициировавшей раздел) тамошняя шляхта, даже самая захудалая, была приравнена к российскому дворянству, а ведь в относительно небольшой Польше шляхтичей насчитывалось почти столько же, сколько дворян в огромной Российской империи. В итоге правящий класс в значительной степени теперь состоял из тех, кто проиграл «семейный спор славян между собою» и потерял собственное государство, весьма, кстати, агрессивное, склонное к захвату и колонизации соседей. А каково поприще дворян помимо помещичьего хозяйствования? Известно дело: военная или чиновничья служба.

Конечно, многие дворяне-шляхтичи, прежде всего выходцы из Русской Литвы, верой и правдой служили империи. Но немало было и тех, кто не смирился с поражением: статские чиновники часто использовали своё высокое положение, тайно борясь за возрождение Польши. Военные при первом возмущении поворачивали оружие против «москвитов». Империя защищалась. В Сибири до сих пор живут многочисленные потомки ссыльных поляков, иные из них через столетия пронесли пламенную неприязнь к «поработителям». Сошлюсь хотя бы на одного из таких потомков – Александра Бушкова и его книгу «Россия, которой не было». За это упорство поляков можно уважать, но я смотрю на ситуацию глазами русского человека, озабоченного судьбой государства, созданного моим народом и союзными нам племенами. Чтобы понять, насколько мощной была (да и остаётся) эта неприязнь к русскому миру, достаточно прочесть поэму «Дзяды» Адама Мицкевича (по крови, кстати, литвина, а по-нынешнему – белоруса). Он дружил с Пушкиным, другими светочами русской культуры, но видел в нашей державе абсолютное зло, как впрочем, и сегодняшние польские гости телешоу Владимира Соловьёва:

Рим создан человеческой рукою,

Венеция богами создана,
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана...

Кстати, о разветвлённом польском заговоре в верхах писали многие тогдашние авторы, тот же Николай Лесков в своих антинигилистических романах. Основания для опасений имелись: после восстания 1963 года Царство Польское переименовали в Привисленский край, начали крутую русификацию, привилегии отобрали, а ненадёжным ляхам закрыли доступ к военной службе, и они ринулись в чиновничий аппарат империи. К чему я столь подробно останавливаюсь на этом вопросе? Из полонофобии? Полноте, во-первых, нас, слава богу, советская власть воспитала интернационалистами. Во-вторых, моя фамилия «Поляков» явно связана с пребыванием поляков, скорее всего, в качестве захватчиков, в рязанских землях, откуда происходят обе ветви моего рода. Бывая в Польше, я часто слышу: «Пан Юрий, Вы очень похожи на поляка, вам разве не говорили?» Мне даже не раз называли воеводство, где мой фенотип преобладает.

Так что к полякам я отношусь вполне дружелюбно. Но, анализируя причины крушения Российской империи, а потом и СССР, мы часто забываем весьма важный этнический фактор. А разве вековая нелояльность к государству значительной части чиновничества, определяющего внутреннюю жизнь страны, не повлияла на судьбу державы? И совершенно не случайно главным внешним врагом юной Советской России стала возродившаяся Польша, «географическая новость», сразу заявившая права на границы Речи Посполитой от моря до моря. Для полноты картины добавлю, что во время Первой мировой войны царское правительство вынуждено было национализировать банки, заводы и фабрики, принадлежавшие немцам. За что? Очевидно, было за что. Так что большевики лишь использовали опыт предшественников, включая такие жёсткие меры, как национализация и продразвёрстка...

Сознаемся: глухота к опасностям этнического противостояния – результат и царской, и советской идеологии. Первые считали, что конфессиональная принадлежность поглощает национальную самоидентификацию, вторые верили в примат классового самосознания. Ошибались и те и другие. В результате и монархия, и «Совдепия» развалились, как вавилонские башни, едва их строители, утратив общий имперский язык, заговорили на языках своих узких племенных интересов. Мыслящие люди неустанно предупреждали власти предрержащие об этой опасности.

Возьмём хрестоматийные стихи Лермонтова «Прощай, немытая Россия». В последнее время, правда, появилась гипотеза, будто строки всего лишь приписываются Михаилу Юрьевичу, а сочинил их совсем другой автор, но мы будем придерживаться классической версии. Обычно на антигигиеническом аспекте разговор об этой инвективе и заканчивается, хотя зарубежные наблюдатели всегда отмечали развитую банную традицию на Руси и удивительную чистоплотность населения в отличие от европейских грязнуль. Однако попробуем взглянуть на знакомые строки иначе:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

«Мундиры голубые» – это помним со школы: форма жандармов, которых возглавляли лифляндские немцы Бенкендорф и Дубельт. Свою безопасность царь доверил людям, этнически близким. «Страна рабов» – тоже понятно: крепостное право, ужесточённое в XVIII веке до «рабства дикого», возмущало просвещённые умы. Правда, земледельцы были не свободны

тогда не только в России, но и в некоторых других европейских странах, в передовых Северных Штатах вообще лютовало плантаторское рабство. Впрочем, такова наша национальная традиция – особенно остро воспринимать недостатки прежде всего своей Родины. У европейцев иначе: они остро воспринимают недостатки других.

Странная «преданность» народа угнетателям, отмеченная Лермонтовым, укладывается в нашу метафору «завета русского народа с государством», ибо самая жёсткая власть лучше «смуты» или «замятни». Но вот второе четверостишие всегда вызывало у меня некоторое недоумение:

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей.
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Согласен: человека в действующей армии контролировать и отслеживать труднее. Это хорошо описано во фронтовой прозе. Война делает человека свободнее. Тот же Солженицын так «оторвался» в письмах с фронта, что угодил в лагерь. Я служил в Германии в мирные годы, но знал, о чем можно писать домой, а о чём нельзя. Но вот читаем дальше: «Сокроюсь от твоих пашей...» Почему – «пашей»? «Пашей – ушей»? Но это плохие поэты ради рифмы загоняют в строку случайные слова. У хороших, а тем более великих, – так не бывает. Почему не «сатрапов» или «подручных»? Выскажу гипотезу: Лермонтов проводит параллель с Османской империей, которая славилась своими жестокими политическими нравами и которую называли «больным человеком Европы». Однако подозреваю, поэт имеет в виду не только суровость карательного режима, но и намекает на этническую чуждость правящего слоя Порты народу.

Напомню: элита Османской империи была интернациональной. Она включала в себя представителей завоёванных народов: болгар, сербов, армян, курдов, греков, арабов, грузин, албанцев, евреев и т. д. Главное – не происхождение, а верная и плодотворная служба блистательной Порте. Вспомним, что великий визирь Мехмед-паша Соколович (1505–1579) родился в Сербии (нынешняя Босния), близ Вышеграда, в христианской семье, насильно был забран в янычары и дослужился до положения второго человека в государстве. О масштабе его деятельности говорят неосуществлённые планы соединить каналами Каспийское, Чёрное, Средиземное и Красное моря. Он-то и построил в Вышеграде знаменитый мост на Дрине, описанный в романе нобелевского лауреата Иво Андрича.

И вот парадокс: меньше всего в правящем слое Османской империи оказалось турков (они пришли на земли Византии из Туркмении) и дали впоследствии название всей стране. Отношение к ним было пренебрежительным, даже презрительным, что впоследствии наряду с другими причинами породило движение младотурков и привело к созданию на обломках Османской империи этнократической Турецкой Республики во главе с Ататюрком. Говоря о «пашах», думаю, Лермонтов имел в виду такую же отчуждённость российской верхушки от русского народа – этническую, но в ещё большей степени – ментальную и культурную. Возможно, профессиональные лермонтоведы, которые ныне препарируют «Парус одинокий», ссылаясь не на Белинского, а на Фрейда и Хайдеггера, поднимут меня на смех. Но я высказал гипотезу. Возражайте, если можете!

7. Зелёные обезьяны

В своих настроениях Лермонтов был не одинок, схожие мотивы звучат у Николая Языкова в знаменитом, но малоизвестном нелитературной публике стихотворении «К ненашим» (1844):

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внемлите
Простосердечный мой возглас!..
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ни о чём не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля, Надежда, сила,
крепость наша – Ничто вам!..

Художественное и научное творчество славянофилов также пронизано протестом против унижения русских в стране, которая носит их имя. В итоге в Москве, как уже сказано, нет ни одного памятника вождям этого крупнейшего течения отечественной мысли. Даже нашему первому барду и певцу столицы Аполлону Григорьеву не удосужились поставить в Первопрестольной хотя бы бюстик. Зато его отдалённому последователю Булату Окуджаве воздвигли саженный кумир на Старом Арбате. Чубайс, говорят, позаботился, денег дал. Хорошие у Окуджавы песни, сам иногда в застолье пою, особенно про «виноградную косточку», но слово «русский» в них почти не встретишь. Почему? Думаю, дело в самоощущении автора, уходящем в прихотливую историю рода: дед поэта был, вроде, из кантонистов.

Что же касается знаковых для русского самосознания памятников в Москве, тут просто беда! Плисецкой памятник есть – Улановой нет. Мандельштаму есть – Заболоцкому нет. Бродскому есть – Рубцову нет. Ростроповичу есть – Свиридову нет, даже к столетию великого композитора не поставили. Кстати, памятник Ростроповичу на пересечении Брюсова и Елисеевского переулков возвели на том самом месте, где собирались установить бронзового Карамзина: он в этих местах жил. Но проект не состоялся, не нашли денег, даже к 200-летию великого историографа. А вот на Ростроповича нашли без всяких юбилеев: негоцианты скинулись. Что тут скажешь? Стыдно за русских богачей, им до Морозова и Третьякова, как зелёным мартышкам до гомо сапиенса.

Но вернёмся к славянофилам. Помню, лет пятнадцать назад я завёл с одним крупным чиновником, рулившим в сфере культуры, разговор о том, чтобы создать в Передел-кине на базе усадьбы Самарина, оказавшейся после закрытия детского санатория бесхозной, музей славянофилов и западников. Начальник в ответ лишь посмотрел на меня потомственно-печальным взором: мол, музей западников он бы ещё поддержал, а вот славянофилов... В этом смысле чиновники «новой России» продолжают традиции царской и советской администрации, с подозрением относясь к «русскому духу». Напомню, что многие активные славянофилы, такие как братья Аксаковы, состояли под негласным надзором полиции и жёстко цензурировались. Про настороженное отношение советской власти к самому слову «русский» я писал выше.

И ещё одно наблюдение в тему. После Сталина больше всего наши «прогрессисты» не любят императора Александра III, хотя с него вроде бы надо брать пример: миротворец, при нём Россия не воевала, он подавил в стране разгул террора. Но у царя был один серьёзный изъян: он не без успеха ввёл моду на всё русское и сам всегда подчёркивал свою русскость не по крови, конечно, а по духу. Этому ему до сих пор не простили. Даже в ЖЗЛ книга о нём вышла последней, в прошлом году, когда уже обо всех возможных и невозможных царях написали, даже про Лжедмитрия и венценосного младенца Ивана Антоновича. Думаете, издатели не хотели? Мечтали! Автора никак не могли сыскать, никто не отважился взяться за сей

труд, опасаясь получить ярлык «черносотенца», с которым потом на зарубежные конференции вряд ли позовут, да и с диссертацией намучишься.

А ведь царь-миротворец, предвидя «неслыханные мятежи», всего лишь хотел поднять самооценку самого многочисленного народа империи, сплотить его вокруг династии и власти, чтобы русские помогали поддерживать стабильность во многоконфессиональной и многоплеменной державе. Не успел самодержец, как-то странно заболел и умер, а его лейб-лекарь, подозрительно напоминающий происхождением Нессельроде, сразу сбежал в Австро-Венгрию, хотя у нас за неверный диагноз не казнили. Предчувствия Александра III не обманули: Временное правительство, едва взяв власть, столкнулось с тем же, что потом, в конце XX века, назовут «парадом суверенитетов». По мере ослабления Центра просьбы регионов империи об автономии сменились требованиями немедленной независимости.

Первыми отложились Финляндия и Польша.

Гражданская война была не только и не столько формой классовой борьбы, как уверяла нас советская и постсоветская школа. Она вылилась в кровавую цепь межнациональных конфликтов, иногда уходящих корнями во времена аргонавтов. И бились не только «инородцы» с «титутной нацией», почти у всех народов нашлись претензии друг к другу: у грузин – к осетинам, у прибалтов – к немцам, у таджиков – к узбекам, у малороссов – к полякам и почти у всех – к евреям. Не удивительно, если учесть, что 60 процентов купцов первой гильдии составляли иудеи, а православные – лишь 34 процента. Так что длиннополые негоцианты Шагала в жизни встречались едва ли не чаще, нежели тучные купцы Кустодиева. И вот опять повод к размышлению: фамилию великого русского художника Кустодиева компьютерная проверка правописания «не узнала», подчеркнув красным, а Шагала, конечно, «узнала» и не подчеркнула. Опять случайность, а я просто мнительный русопят? Возможно...

Впрочем, надо признать: сам Русский мир на историческом переломе тоже не выказал единства и разделился в себе. После отречения монарха участие нижних чинов и особенно офицеров в богослужениях, обязательных в царской армии, как политзанятия в советской, сократилось, по некоторым источникам, в 10 раз! А ведь именно православие стояло первым в знаменитой триаде Уварова: Православие. Самодержавие. Народность. Но в ту пору, кажется, сама церковь была больше озабочена возвращением патриаршества, нежели нашествием боготорцев во власть.

Что же до монархии, напомним: в контрразведке Колчака имелся специальный отдел, который выявлял и ликвидировал подпольные монархические организации в рядах Белого движения. Подпольные! Улавливаете? Может, какие-то офицеры-патриоты и пытались выручить царскую семью, как показывают в постсоветских боевиках, но узок был круг этих контрреволюционеров, страшно далеки они от народа. Между тем казачество, грезившее об автономии своих земель, объявило нейтралитет в развернувшейся борьбе за власть, и это сыграло роковую роль в нарастании новой смуты. А ведь несколько казачьих полков могли в начале смуты восстановить порядок одними нагайками. Однако общество оказалось разобщено: насельники Русского Севера и Зауралья роптали: «Хватит проливать кровь – немец к нам всё равно не дойдёт!» Интервенция, мятеж чехов, рейды карательных отрядов красных латышей и китайцев впоследствии оказались для обитателей российской глубинки жестоким сюрпризом. Но кто же начинает тушить пожар, когда обрушилась крыша?

А вот многие старообрядцы в отличие от никониан восприняли революцию как долгожданное возмездие за поруганное древнее благочестие, за огнепального Аввакума, за столетия гонений, за жизнь на положении «лишенцев»: и этот институт большевики не выдумали, а позаимствовали у предшественников. Староверы сочувствовали многим идеям революции. Не зря же Николай Клюев писал:

Есть в Ленине керженский дух,

Игуменский окрик в декретах...

Старообрядцы верили, что земля принадлежит Богу, а не людям, предпочитая общинную собственность частной, они поддерживали идею равенства и справедливости, выдвинутую большевиками, и были готовы строить социализм в России, не дожидаясь мировой революции.

И с железным Верхарном сказитель Рябинин
Воспоёт пламенеющий ленинский рай.

Для самого Ключева этот рай обернулся, увы, адом ссылок, лагерей и гибелью. Тем не менее, опираясь на молодых выходцев из староверов, сталинская группа постепенно отстраняла от власти упёртых интернационалистов, равнодушных к судьбе российской цивилизации. Вспоминается один случай. Будучи в Венгрии, я оказался на будапештском ТВ и сидел, дожидаясь своей очереди. Между тем пегий старичок, некогда, видимо, ярко-рыжий, страстно обличал кого-то в эфире на чуждом русскому уху мадьярском языке. «Кого он так ругает?» – спросил я переводчика. «Россию, русских и социализм...» – «За что?» – «За всё!» – «А кто это?» – «Сын Белы Куна...» «Того самого?» – «Того самого...»

Вот так, дорогой читатель! Кстати, Никита Михалков в фильме «Лёгкое дыхание» довольно убедительно, хоть и карикатурно показал зловещую роль этого «красного венгра» в русской Смуте. А тех, кого заинтересовала тема участия староверов в революции и строительстве Советского государства, я отсылаю к работам Александра Пыжикова, в частности, к его монографии «Грани русского раскола».

Зачем я увлёл читателя в такой дальний и вроде бы необязательный исторический экскурс? А затем, чтобы показать: каждый раз кризис российской государственности был связан с охлаждением русских к тому сакральному завету, о котором мы уже не раз говорили в этих заметках. Я полностью согласен с замечательным учёным, автором уникальной монографии «Кровь и почва русской истории» Валерием Соловьёв. Он пишет: «Сочетание сотрудничества и взаимозависимости русского народа и имперского государства с капитальным конфликтом между ними составили стержень русской истории, её главное диалектическое противоречие... Русский плебс и имперская элита... оказались двумя разными народами не только в метафорическом, но во многих отношениях и в прямом смысле... В своей глубинной основе революционная динамика начала XX века была *национально-освободительной борьбой* русского народа... (и завершилась гибелью империи. – Ю.П.) ...В виде новой трагедии, а не фарса, – продолжает В. Соловей, – история повторилась на исходе XX века... Русские больше не могли держать на своих плечах державную ношу, политика коммунистической власти, носившая антирусский характер (сначала – открыто, потом – завуалированно), бесповоротно подорвала русскую мощь. Освобождение от *такого* государства интуитивно ощущалось русскими единственной возможностью национального спасения...»

Жёстко, зато честно, хотя о «бесповоротности» очень хочется поспорить...

8. Историческая идеология

Несколько лет назад в российском эфире зазвучали мантры о формировании новой общности «русский народ», и я, знаете ли, ощутил тревожное дежавю. Когда провозгласили торжество новой исторической общности «советский народ», я, как помнит читатель, служил в армии. В нашей 9-й батарее самоходных гаубиц «Акация» 45-го Гвардейского Померанского артполка, стоявшего в городке Дальгов близ Западного Берлина, было 70 бойцов 16 национальностей. «Советским народом» мы были только в строю или на занятиях в Ленинской комнате. В остальное время каждый оставался сыном своего народа. Заряжающий из башни ефрейтор

Шерали Суфиев, таджик, призванный из памирского аула, где военком почему-то не тревожил его до 27 лет, жаловался, что две его жены ссорятся и жалуются друг на друга в письмах. «Западонец» ефрейтор Сметанка ругал «москалей» за наряды вне очереди, которые ему от души навешивал прапорщик Хузин – татарин из Казани. Кстати, немногочисленных западных украинцев так и звали за глаза – бандеровцами. Штабной шофёр казах Абаев на вопрос, почему он такой маленький (одного сантиметра не хватило, чтобы откосить от армии), объяснял так: его отец и мать родились во время страшного голода, который устроили им русские. Я ему сочувствовал, хотя много позже узнал, что Казахской ССР в ту пору руководили совсем не русские. Но что делать, такова ответственность имперского народа.

Чеченец Муса Мазаев в военном билете носил портрет бородача в папахе.

– Кто это? – спросил во время досмотра личных вещей наш взводный лейтенант Мамай.

– Прадедущка... – свысока процедил Муса.

Прадедущка подозрительно смахивал на имама Шамиля, а при внимательном взгляде им и оказался.

В тени ветвистого советского пантеона тихо, но неискоренимо прозябали и казались тогда сорняками кумиры местной племенной истории. В момент «Ч» они, словно политые чудесным суперфосфатом, очнулись, вымахали, раскинулись и заглушили всё то, чем нас учили в СССР гордиться. Но, заметьте, осмеянию и осуждению подверглись почему-то в основном русские герои, подвижники и страстотерпцы. Павлик Морозов гнусно сдал папу чекистам; Василий Чапаев дрался с Фурмановым из-за Анки; Зоя Космодемьянская сожгла, будучи пироманкой, под зиму избы колхозников; Александр Матросов спьяну упал на амбразуру; маршал Жуков лил солдатскую кровь цистернами без всякой жалости; нарком Молотов был «железной задницей» и т. д. ...

А вот глумлений над «нацменскими» знаменитостями и героями я не припомню. Ругали за свирепость Емельку Пугачёва, но Салавата Юлаева ни-ни. Не трогали Марата Казея, Автандила Кантарию, бакинских комиссаров, маршала Баграмяна, наркома Микояна, даже Лазаря Кагановича, который прямо-таки просился под розги мстительного сарказма, не задевали. Ну, играет 90-летний дедок в домино возле своего дома на Фрунзенской набережной – и пусть себе играет. В России подвиг 28 панфиловцев пытались и пытаются оспорить или перепроверить. А в Казахстане, где формировалась знаменитая дивизия, защитившая столицу, героизм бойцов, в значительной степени казахов, никто никогда не подвергал сомнению. Почему? Давайте разбираться.

В книге Султана Акимбекова «История степей. Феномен государства Чингисхана» (Алма-Ата, 2011) можно прочесть: «В образовавшихся на месте СССР новых независимых (всё-таки самостоятельных. – **Ю.П.**) государствах по-прежнему идут активные процессы государственного строительства, предъявляющие повышенный спрос на идеологию, составной частью которой является история. Соответственно формируется необходимость в историческом знании, которая связана не столько с получением какой-либо новой, ранее скрытой информации, сколько с интерпретацией истории в интересах национально-государственного строительства и самоидентификации общества... По большому счёту любые обычные для идеологии государства оценки современного состояния общества наряду с чётко очерченными планами на будущее должны опираться, как на базис, на приемлемую историческую версию происхождения государства и общества. Этот базис условно можно назвать **исторической идеологией...**»

Если этот наукообразный текст переложить на обычный язык, то у нас выйдет: надо независимо от реальных фактов писать такую национальную историю, чтобы она будила у людей гордость за свой народ и желание идти вперёд. В самом деле в Европе под дежурное кремлёвское «ай-ай-ай» рушат памятники советским воинам-освободителям, из топонимики, особенно в Прибалтике и Польше, изгоняют всё, связанное с Россией и нашей общей историей. В

Риге, например, запретили вешать доску на доме, где жил Валентин Пикуль: оккупант, понимаешь ли! А между тем в бывших республиках СССР появляются монументы местно-чтимых героев, улицы и проспекты, названные в их честь. У нас, кстати, в столице до сих пор нет улицы Ивана Калиты, сделавшего Москву центром Руси. Да и вообще в топонимике имена исторических деятелей Московского царства и императорской России представлены крайне скупо. Где в столице улица генерала Скобелева, переулок полководца Скопина-Шуйского, проспект Алексея Михайловича Тишайшего, проезд Дионисия? Нету...

Почему в «новой России» в 1990-е всё делалось наоборот? Невский объявлялся ордынским прихвостнем, Грозный – садистом и психопатом, Кутузов – трусливым старым маразматиком, Александр Третий – антисемитом, Сталин – кровавым параноиком... Почему полки библиотек ломались от книг типа «Кто победил на Прохоровском поле?», «Кто начал Вторую мировую?», «Было ли татарское иго?» Почему в книжных магазинах на самом видном месте теснились флотилии «Ледоколов» перебежчика Резуна, который совсем не случайно, а думаю, по совету кураторов и соавторов взял себе псевдоним Суворов. Это как если бы человек с фамилией Христоробов стал доказывать, будто Спаситель был внебрачным сыном римского легионера и фокусником.

В соросовских учебниках истории, словно написанных вставшим из гроба академиком Покровским, Сталинградская битва терялась где-то между восстанием в Варшавском гетто и операциями англичан в Африке против Роммеля, а количество жертв ГУЛАГа на круг превышало население СССР, включая абортированных младенцев. После «исторических хроник» какого-нибудь Николая Сванидзе хотелось выбежать на балкон и заорать: «Как радостно Отчизну ненавидеть и сладко ждать её уничтоженья!» Я хорошо помню тот антирусский пафос 1990-х, гнусно сочившийся из каждой информационной щели. Да, ему не без успеха противостояли патриоты и заботники России. Тут надо вспомнить добрым словом Вадима Кожинова, Александра Панарина, Сергея Кара-Мурзу, Ростислава Шафаревича, Эдуарда Володина, Александра Проханова, Александра Дугина, Анатолия Уткина... Я тоже по мере сил пытался возражать «клеветникам России» и отсылаю интересующихся к моей тогдашней публицистике, собранной в книгах «От империи лжи – к республике вранья», «Порноκραтия», «Россия в откате».

Но вернёмся к вопросу «почему?» Думаю, это связано прежде всего с тем, что развал СССР задумывался как начало далеко идущих геополитических пертурбаций, потом последовал «парад суверенитетов», и вёл он прямой дорогой к расчленению Российской Федерации на пару дюжин уютных самостоятельных государств, о которых так сладко грезил атомный подкаблучник академик Сахаров. Организаторы и вдохновители наших поражений прекрасно понимали: главным препятствием для проекта «Мир без России» являются не спецслужбы, прошляпавшие Беловежский сговор, не номенклатура, прикипевшая к кормилу и охотно променявшая общесоюзную власть на счета и собственность за рубежом. Не представляла опасности и Компартия, слившая выборы 1996 года, а тем более новая либеральная элита, которая уже заговорила об уральской республике и отдалённой бессмысленности Курил. Нет, главная опасность заключалась в русском народе, в его имперском инстинкте, в том мистическом завете с государством, о чём мы уже не раз говорили в этих заметках.

Да, наш народ надорвался под тяжкой державной ношей (переиначивая Киплинга, под «бременем русских»), он обескровел от войн, репрессий и экономического донорства, ослабел духом от постоянного, во имя единства, осаживания без того сникшей «гордости великороссов». Но его историческая энергия и вера в себя ещё не иссякли окончательно. Против этой остаточной пассионарности и был направлен главный удар. Тщательно и настырно в информационном пространстве выстраивался гнусный образ русского народа, исторические факты просеивались на решете ненависти, ТВ работало, как кривое зеркало, внушая автохтонному зрителю сомнения и комплекс неполноценности. В сущности, это та же «историческая идеология»

Акимбекова, но с отрицательным знаком, ибо в отношении России преследовались обратные цели – не помочь выстроить новую государственность, а, напротив, разрушить тысячелетнюю державу, не поспособствовать футурологическому прорыву, а, наоборот, лишить самый большой народ страны будущего.

Напомню, кстати, что иные из бывших советских республик упрочились и поднялись как самостоятельные государства на почти дармовом российском топливе, а также транзите. Прибалтийские лимитрофы стали крупными экспортёрами металлов, которые там никогда не добывались. Видимо, Запад пообещал, что независимость не отменит традиционной подмоги «старшего брата». Так и было в течение десяти лет, но, когда в начале нулевых экономические связи стали переводить на обычную взаимовыгодную основу, это вызвало сначала оторопь, а потом всплеск русофобии. Заметьте, украинский национализм из ритуально-бытового «антикацапства» стал превращаться в оголтелую политическую силу после того, как «москальи» перешли в расчётах с «ненькой» за нефть и газ на общемировые цены, пусть даже и с большой скидкой.

Тем, кто решил «перезагрузить», «перепрошить» и утилизировать российскую государственность, важно было представить упёртый русский народ «вечным рабом», «агрессором» и «должником», а лучше вообще историческим фантомом, чьё родовое имя в приличном обществе и произносить-то неловко. Кто же станет считаться с мнением и интересами призрака? Я хорошо помню, с каким сладострастием эфирная тусовка повторяла сакраментальную фразу: «Поскреби русского – найдёшь татарина». А ведь генетика, наука, вроде бы возлюбленная либералами, уже обнародовала к тому времени результаты исследований, из которых явствовало: русские не этнический фантом, наоборот, это один из самых гомогенных, то есть беспримесных народов Европы. Носители маркеров, характерных именно для русских, составляют 82 процента! Для сравнения: у немцев около 60 процентов, а у французов и того меньше. Я не поборник обязательной чистоты крови и с иронией отношусь к тем, кто повернут на поисках расовой девственности, но вынужден сослаться на данные ДНК-анализа, чтобы поставить на место тех, кто упорно считает русский народ угро-татарской химерой.

Как-то в середине девяностых меня позвали на НТВ, и ведущий по фамилии Лобков аж передёрнулся, когда в разговоре под камеру я произнёс слово «русский». Оно в тогдашнем информационном пространстве воспринималось как антоним к слову «интеллигентный». Слыть русским было неприлично. А ведь именно со стеснения или боязни назвать своё племенное имя и начинается исчезновение народа. Многочисленные славяне в Греции, которой Россия помогла освободиться от османского ига, исчезли в течение двух поколений, так как с них взяли письменные обязательства: именоваться впредь «греками» и не говорить на своём южнославянском диалекте даже в семье. Вам это не напоминает сегодняшнюю Украину? Если ты боишься или стесняешься вслух назвать себя русским, ты почти уже перестал быть им.

Кстати, в основе этих манипуляций лежат западные конструктивистские представления о том, что нация не имеет отношения к генетике, существует только в воображении людей и создаётся как проект усилиями интеллектуалов из любого человеческого материала. Если принадлежность к какому-то народу можно внушить, то, значит, в этом можно разубедить – и тогда неудобный народ просто исчезнет, как карета, наколдованная из тыквы. К этой теме мы ещё вернёмся.

Я не случайно вспомнил Лобкова. Спустя лет десять, когда ДНК-анализ вошёл в моду, и люди с помощью зашнёного соскоба стали выяснять свою родословную чуть ли от Ноева ковчега, на НТВ запустили интересную передачу. Известные персонажи, в том числе телеведущие, сдавали в лабораторию биоматериал, а потом, с трепетом вскрыв конверт, объявляли перед аудиторией, так сказать, племенную формулу своей крови, ведь этническая, а тем более расовая принадлежность каждого нашего предка оставляет след в геноме. Многие участники эксперимента были позабавлены и даже ошарашены результатами, ибо, как я уже говорил: наци-

ональное самосознание и этнический «коктейль Молотова», текущий в венах, не одно и то же. Но больше всех меня удивил как раз Лобков, он вскрыл конверт, осунулся и мрачно сообщил, что его предки пришли в Россию «через Венгрию». Что это значило и почему так расстроило ведущего, занимает меня до сих пор.

Тем временем в бывших республиках СССР шло спешное строительство национальных государств. Ударно формировалась новая элита, по преимуществу этнически однородная, в отличие от прежней, советской, которая состояла, как правило, из местной интеллигенции, созданной в процессе «коренизации», а также из тех, кого в своё время прислали на подмогу «запоздалым народам». О том, что стало с нетитульным населением на местах говорить у нас не принято, об этом не рыдают по телевизору, как об отказниках, просидевших два года на чемоданах, прежде, чем отлететь в Вену. Об исходе «оккупантов» из построенных ими городов не снимают кино. В литературе об этом тоже мало пишут, на памяти лишь горькая проза Андрея Волоса про Хурмабад. Зря! Судьба тех, кто в одночасье из сливок общества превратился в беженцев, принимаемых Россией без фанатизма, заставляет задуматься о цене навязанного бескорыстия. Но не будем о грустном: СНГ – территория политкорректности. И наверное, так правильнее. Да и быстро построить национальное государство по-другому, видимо, невозможно, а благодарность в геополитике – это что-то вроде денежной компенсации за объятия бывлой любви.

О качестве имперской элиты, прежде всего столичной, у нас тоже говорить и писать не принято. А мы поговорим и начнём с того, что она оказалась чрезвычайно охоча «к перемене мест». Как-то я встретил на Сицилии бывшего секретаря горкома комсомола, в 1990-х занявшегося бизнесом.

- Ты чего здесь делаешь?
- Живу.
- А как ты сюда попал? – обалдел я.
- Стреляли... – усмехнулся он.

9. Каменный топор и телевизор

И при царях, и при генсеках, и при президентах правящий класс в России отличался многоплемённым составом. Проойдитесь по старинным и новым престижным кладбищам, московским или питерским... О таком интернационале даже Маркс с Энгельсом не мечтали. К тому же в СССР в самом деле неуклонно росло число межэтнических браков, особенно в больших городах. Детям из смешанных семей, где всерьёз восприняли коммунистические идеи, проще было считать себя советскими, нежели мучиться самоидентификацией. А это порой не такой уж простой выбор. Лично для меня вопрос, кого я люблю больше – маму или папу, в детстве был самым сложным, но так уж получилось, что обе ветви нашей семьи происходят из Рязанской губернии. Мне легче.

В итоге в стране завелась особая страдающая элита людей, образованных и даже чиновных, но с затруднённой или вытесненной из сознания национальной доминантой. Более того, многие из них, по моим наблюдениям, стали считать свою «бесплеменность» признаком избранности. Извините за параллель, но именно так лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией полагают себя существами более высокой пробы, нежели натуралы, и стремятся не только легализовать, но и навязать, порой агрессивно, свои предпочтения обществу. Люди с «бесплеменным» мироощущением тоже иной раз раздражаются, замечая, как другие, видимо, от тёмного бескультурья замораживаются национальной проблематикой. Один радиоведущий объявил слушателям, что он по национальности «москвич». Почему бы и нет, но странно как-то, что эти «москвичи», проворовавшись, скрываются не в чащобах Лосиногостинского Острова, а в Англии, США или Израиле. Один мой литературный приятель, напившись, рыдал оттого, что не может

понять, кто он по роду-племени, и эта драма нашла отражение в моём романе «Гипсовый трубач», я имею в виду удивительную историю Жукова-Хайта. Я вообще считаю, что симбиотический спор, возникший между евреями и русскими в XX веке, ещё не получил достойного отражения в нашей литературе.

«К чему вы клоните?» – спросит нетерпеливый читатель. А вот к чему: в наступлении на «русскость», развернувшемся в девяностые годы, наша «бесплеменная» элита стала невольной союзницей тех сил, которые желали развалить вслед за СССР и РФ. Нет, мой приятель, плакавший от мук самоидентификации, совсем не хотел гибели страны, но ему тоже мерещился призрак русской «коренизации», наглого притязания титульной нации на ключевую роль в новом Российском государстве. Объяснять ему, что у нас в Отечестве это в принципе невозможно по целому ряду причин, что даже в XIX веке русские занимали весьма скромное место в правящем слое империи, было бессмысленно: его светлый ум подёрнулся страхом оказаться под железной пятой русопятав. К тому же перед глазами стояли прецеденты в некоторых бывших республиках СССР, где проступали явные черты торжествующей этнократии. А как могут пугать друг друга и мировое сообщество наши гормональные либералы, общеизвестно. В результате вместо «пяты русопятав» мы получили «семибанкирщину», однако про её национальный состав я деликатно умолчу.

Как ни странно, но в СССР, где русских насчитывалось менее половины, к нам по крайней мере в ритуально-поминальном смысле относились лучше, чем теперь, звали «старшим братом», поднимали за нас тосты, даже в гимне пели:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.

А куда деваться, если именно вокруг великорусской Московии формировалась и прирастала не только Сибирью многоязыкая держава? Теперь в Российской Федерации, где русских более 80 процентов, нас как-то стараются лишний раз не привечать. Даже в новой редакции гимна «Русью», как говорится, не пахнет, хотя именно для большинства земель и автономий, входящих в РФ, формула «сплотила навеки великая Русь» соответствует исторической реальности. Однажды в застолье я спросил автора гимна Михалкова, с которым был хорошо знаком: «Сергей Владимирович, куда же вы Русь-то подевали?» «Эх, Юра, – ответил он. – Я хотел оставить, но мне отсоветовали, мол, можно кого-нибудь обидеть». О том, что могут обидеться русские, никто даже не подумал. Конечно, сказанное несколько не умаляет духоподъемного содержания гимна и его вдохновенной формы, но даёт информацию к размышлению.

Напомню, в конце 1980-х в национальных регионах РСФСР шли те же центробежные процессы, что сотрясали союзные республики. Более того, в некоторых российских автономиях накал конфликтов и порывы «вплоть до отделения» достигали более высокого градуса, нежели на окраинах. Сегодня конституции наших автономий звучат как клонированные оды единству и «неделимству», но тогда... Нет, я думаю, что Ельцин и его присные не собирались, объявив парад суверенитетов, сдать и Россию, хотя некоторые персонажи из окружения первого президента явно тянули на высшую меру за госизмену. Но, скорее всего, «демократы», засев в Кремле, помнили, что белые, сражавшиеся за «единую и неделимую», проиграли Гражданскую войну, а красные, наобещавшие всем землю, волю и самоопределение, выиграли да потом ещё собрали распавшуюся империю в такой кулак, что сломали хребет фашизму.

Возможно, у бурбулисов и были благие намерения, но, увы, политические лозунги, выброшенные для одних целей, приводят порой к обратным результатам. Если бы на рубеже веков страну не возглавил человек с длинной волей, как любил говаривать Лев Гумилёв, ещё неизвестно, чем обернулись бы пресловутые «парады суверенитетов». Я-то помню, что себе позволяли автономные президенты, хапнувшие суверенитета сколько удалось. Собственно,

чеченская война и задумывалась как запал, от которого рванёт заряд, заложенный под уцелевший «детинец» исторической России. К счастью, этого не произошло. Ельцин надорвался, работая с документами, и его сменил Путин. А ведь ситуация была аховая: армия деморализована и плохо вооружена, вместо «Паши-мерседеса» министром обороны всерьёз собирались назначить Галину Старовойтову и уже пошили ей юбку с лампасам. В города пришёл гексогеновый террор. Почти вся медийная тусовка сочувствовала «повстанцами» и болела за победу Ичкерии. Если бы война перемолола наших молодых пассионариев, то граждане, стесняясь в слух называть себя русскими, едва ли смогли бы сохранить страну.

Свинчивая державу, Путин не только укрепил спецслужбы и армию, оттеснил «семью», обуздал сепаратизм, выгнал из большой политики олигархов, он пресёк явную русофобию, а точнее, «русофыркание», изменив государственную информационную политику. Да, откровенные русофобы исчезли или спешно переквалифицировались в патриотов на зарплате, оставшись в эфире. Иногда я буквально ощущаю, как трудно им даётся это амплуа, а что делать: приказано выжить и выжать из казны как можно больше. Встречаются среди них просто виртуозы. Так, один околотеатральный буддист и непримиримый борец с традицией, поняв, за что теперь платят, отпустил бороду и водит крестные ходы, поднимая русскую культуру в Крыму. Если бы я не знал его до метаморфозы, когда он от слова «патриот» морщился, как от геморооя, я бы никогда не догадался о его прежнем поприще. Несмотря на смену курса, новых лиц в информационном пространстве появилось мало. А ведь от того, какие лица мелькают на экране, что и как они говорят, во многом зависит самочувствие общества.

Выскажу мысль, очевидную и при этом почти табуированную: телевидение, особенно центральное, обязано учитывать этническую структуру всего общества и в известной мере её отражать. Отсутствие на экране лиц, близких нам по роду-племени, подсознательно включает чувство тревоги, восходящее к тем далёким временам, когда появление близ стойбища людей с другим цветом волос, разрезом глаз и покроем шкур, заставляло насторожиться и положить поближе каменные топоры. Конечно, с тех пор многое переменялось, культура смягчила нравы, вековой опыт межнационального общения отучил видеть в каждом иноплеменнике врага, да и смешанные браки, метисация, идущая вокруг любого этнического ядра, сделали своё дело. Но отменить этническую комплиментарность (термин Л. Гумилёва) никто не в состоянии. Более того, когда рушатся государства и социумы, а следовательно, снимаются запреты, мы наблюдаем резкое обострение межнациональных противоречий и фобий, что приводит к большой крови. Так было в СССР, так было в Югославии, так было в Сирии, так, надеюсь, не будет в России.

Зачем же будить лихо ксенофобии? Не проще ли в виртуальном информационном пространстве учитывать эти особенности человеческой психики? Подозреваю, наших компатриотов, живущих в Дагестане, Осетии, Якутии, Калмыкии, Татарии, Чечне и в других субъектах, не очень-то устраивает, как их народы представлены в общефедеральном информационном пространстве. Будь я башкиром или бурятом, у меня сложилось бы стойкое ощущение пренебрежительного отношения ко мне со стороны Центра. Впрочем, оно у меня и так есть. Или вот писатели, сочиняющие на языках своих народов, постоянно жалуются, что их почти не замечают в Москве, игнорируют жюри общероссийских литературных премий, той же «Большой книги», которая охотнее привечает наших бывших соотечественников, предающихся творчеству в Мюнхене или на Брайтон-Бич, нежели авторов из Элисты, Грозного или Уфы. На церемониях открытия и закрытия Года литературы не прозвучало ни одного имени, ни одной строчки национальных поэтов. Рубцова, правда, тоже забыли.

У современного россиянина весьма смутные представления о тех народах, которые живут в нашей стране, о языках, на которых они говорят помимо русского, о том, где находятся их автономии и как называются столицы. Проверял на своих внуках-подростках, посещающих престижную школу: ни чёрта не знают. Откуда? Нынешним руководителям надо бы поинтере-

соваться советским опытом. Когда уже зрелым человеком я попал впервые в Ереван, то, оглядев удивительные здания, облицованные розово-лиловым камнем, спросил:

– Это туф из Артика?

– Да-а, – изумилась моей осведомлённости прозаик и переводчик Лия Иванян. – Вы даже это знаете!?

Мне ли не знать! В нашей московской 348-й школе за каждым классом была закреплена союзная республика. Моему классу досталась Армения, и я выучил стихи про Ереван, где были и такие строчки:

Этот туф из моего Артика,
Делал проекты товарищ мой...

И я, двенадцатилетний паренёк, знал об Армении побольше, чем сегодня знает иной выпускник Высшей школы экономики. Думаю, система интернационального воспитания в СССР была поставлена грамотно. Сегодня у нас в принципе нет интернационального воспитания, а есть бездарное навязывание нелепой политкорректности. Впрочем, этой теме я посвятил большую статью «Лезгинка на Лобном месте», и всех интересующихся отсылаю к ней.

Знаете, мне иногда кажется, что дело чиновников-поляков, работавших в недрах имперского аппарата вовсе не на Россию, а против неё, не умерло, у него нашлись продолжатели. Ведь, согласитесь, для целостности многоплеменной страны очень опасно провоцировать раздражение национальной интеллигенции, как никто умеющей заразить своим неудовольствием широкие массы. Я часто сталкиваюсь и полемизирую, а точнее, ругаюсь с теми, кто от имени государства периодически создаёт в культурной сфере такие вот конфликтные ситуации на почве срежиссированных национальных недоразумений.

На дураков они не похожи. Остаётся второе...

Но есть и другая сторона проблемы. Бывая в национальных автономиях, замечаешь то, что я бы назвал «неокоренизацией». Признаки этого явления обнаруживаешь, встречаясь с тамошними чиновниками, глядя по телевизору местные программы, читая региональную прессу. Некоторое время назад в ЛГ была опубликована заметка о визите президента Путина в одну из автономий, где русских живёт едва ли не больше, чем титульной нации. Ну, понятно, хозяева рапортовали, показывали высшему кремлёвскому ревизору свои достижения и новостройки, в основном спортивные. Так вот, наш наблюдательный автор пишет, что в свите, которая ходила следом за двумя президентами, московским и автономным, он обнаружил всего одного человека славянской внешности, видимо, охранника главы РФ. Все остальные принадлежали к той категории, которую при советской власти называли «национальными кадрами». Хорошо ли это? Думаю, не очень... Русские в такой автономии испытывают двойное унижение: центральная власть воспринимает их как «этнический эфир», а по месту жительства они чувствуют себя лишними на празднике «неокоренизации».

Разумеется, я веду речь не о процентной норме, а о здравом смысле. Зачем создавать напряжённость?

В Америке, например, есть жёсткое правило: если в штате или городе количество представителей той или иной национальности, а тем более – расы достигает определённых показателей, на телевизионном экране появляются дикторы, а в кабинетах госчиновники, принадлежащие к этому этносу. Так спокойнее и правильнее. И нисколько не противоречит идее формирования единой политической нации, которую составляют единомышленники, а не единоплеменники. У нас же порой зайдёшь в организацию, прочитаешь на табличке непорочную для русского уха фамилию руководителя, а потом удивляешься, заглядывая в кабинеты: сколько же у него родственников и земляков! Когда же смятенный взор твой немного успоко-

ится на статной блондинке, подающей кофе, тебе тихонько объяснят, что она офисная жена босса.

При советской власти это называли семейственностью и кумовством, сурово поправляя выдвиженцев, если у них голос крови заглушал зов партии. Сталин строго отчитал на политбюро наркома иностранных дел Литвинова, когда выяснилось, что в его ведомстве служит только один русский – швейцаром при дверях. Конечно, это исторический анекдот, но суть дела он отражает. Сейчас вроде снова борются с «клановостью», но охотятся в основном за династиями экзотических профессий. Недавно наехали на братьев Запашных, хотят, наверное, ограничить их семейное право входить в клетку к хищникам. Лучше бы реагировали, когда большие папы ставят своих юных отпрысков, не имеющих в голове ничего, кроме оксфордского английского, на заоблачные посты в госкорпорации.

Кстати, нам, русским, сформировавшимся как этнос в условиях соседской общины, «мира», а потом взявшим на себя имперское бремя, племенная сцепка свойственна в гораздо меньшей степени, и даже наоборот. Например, более недружного, разодранного, склочного сообщества, чем русские писатели, я в своей жизни не встречал. Малейший успех сородича они воспринимают как личное оскорбление, а умения сплотиться для достижения общей цели у них не больше, чем у дворовых футболистов, которым важнее отобрать мяч, чем забить гол. Впрочем, вы и без меня это знаете... Но в ситуации, когда в стране сложилась двухобщинная литература, о чём я подробно написал в статье «Кустарь с монитором», солидарность на почве, извините за тавтологию, почвенничества необходима. У литературной группы, которую я условно называю «интертекстуалами», такая сплотка (словечко Солженицына) имеется, причём с центром управления, расположенном в солидном государственном учреждении – «Роспечать». А вот станет ли таким штабом почвенников и шире – русской словесности обновлённый Союз писателей России, наконец вышедший на свет из 25-летнего «подполья под стеклом», посмотрим.

Я надеюсь...

10. Взрывоопасный компот

Прогнозы мировой либеральной мысли о слиянии народов на базе общечеловеческих ценностей не оправдались. США так и не стали «тиглем этносов», как предсказывали специалисты. Белые, чёрные, жёлтые и краснокожие насельники этого континента не сплывались в новую, американскую, расу, хотя в стране, населённой эмигрантами, такой микс был куда вероятнее, чем в России, где народы веками живут на земле пращуров, храня язык и обычаи. Теперь в Штатах в моде теория «салата» или «компота», мол, все нации у нас вместе, крутятся в одном федеральном миксере, но отдельными кусочками. О том, что компот может забродить и тогда миксер рванёт, как фугас, стараются не думать. Голливуд, как обычно, навеивает сон золотой, и на экране негр, белый и латинос насмерть ссорятся из-за того, кто пойдёт в пекло спасать мир, а заодно четвёртого их друга – американизированного китайца. Кажется, миссия невыполнима, но выход из тупика, как всегда, находит пятый член «компотного братства» – лохматый «ботаник», похожий на молодого Эйнштейна. Впрочем, нет, не всегда, в одном блокбастере решения за всё человечество принимал гениальный дельфин.

С Европой тоже не всё ладно, она напоминает мне советскую коммунальную квартиру, где общие только сортир и умывальник, а кастрюльки, корыта, электросчётчики и запасы продовольствия – порознь. В Евросоюзе очевидны центробежные процессы: случился Брекзит, едва не добились независимости каталонцы и шотландцы, надежд на самоопределение вплоть до отделения не оставляют северные ирландцы и баски. Не успел мир привыкнуть к «чехословакам», как на карте появились Чехия и Словакия. То же самое произошло с югославами: мощная страна распалась на фрагменты, где теперь живут сербы, хорваты, македонцы, словенцы,

боснийцы... Правда, тут дело не обошлось без бомбёжек и руки госдепа. Даже Черногорию от Сербии в конце концов удалось оторвать. А ведь это примерно, как если вдруг Черноморское побережье отделилось бы от Краснодарского края, и жители города-курорта Сочи объявили себя отдельным народом – «сочками», например. Но для сербов ситуация ещё чудовищнее. Наше-то побережье все-таки многоплеменное, причём иные народы веками ориентировались на османов и приведены под имперскую длань силой оружия. А тут – язык один, кровь одна, история борьбы с турками общая... И на тебе! Вот на что способны манипуляции общественным сознанием и политтехнологии. Впрочем, мы это тоже проходили с Украиной.

Отторжение Косова – особый разговор. Для сербов остаться без Косова, как нам лишиться Куликова поля. Кстати, и в названиях этих знаковых полей есть общее: «кос» – посербски «чёрный дрозд». Ну а кто у нас своё болото хвалит, мы знаем. А начиналось всё с того, что албанцы-косовары спускались со скудных гор в цветущие долины, заселённые сербами, по-соседски устраивались рядом, множились, теснили хозяев. При случае умело использовали любой катаклизм в свою пользу (например, нашествие фашистов, с которыми сотрудничали), потом получали прощение: интернациональную власть, как всегда, заботила дружба народов, а не опасное изменение этнического состава населения в сербских землях. Когда очнулись, было поздно – и с помощью НАТО албанцы оторвали Косово от Сербии. Вам это ничего не напоминает?

В 2004 году я побывал в Косово. Туда надо свозить каждого политика, который недооценивает этнический фактор жизнеустройства, для которого резня в той же Кандопоге – лишь досадное недоразумение. Я видел взорванные храмы, построенные в первом тысячелетии, с остатков древних фресок на меня смотрели выскобленными глазами поруганные православные святые. Сербские городки и посёлки в Косово напоминали осаждённые крепости, где выход за охраняемый периметр означал смерть или похищение с последующим потрошением на органы. Перевозили нас с места на место на бронетранспортёре «кейфорс» под охраной до зубов вооружённых индусов в синих чалмах, а по броне гремели камни, которые швыряли в нас албанские подростки. Косово – это урок и предостережение всем. Не только славянам. Не было бы Косова – не было бы Пальмиры.

Мне кажется, мировая история выходит на свой новый виток, где межэтнические и межконфессиональные конфликты, возможно, будут играть всё большую и большую роль. Европейская цивилизация научилась сглаживать классовые противоречия, буржуи и пролетарии едят в одних Макдоналдсах и ходят в одинаковых джинсах, причём у миллионеров они более поношенные. Но с живущим даже в самом маленьком народе внутренним стремлением к самоопределению вплоть до отделения пока ничего сделать не удаётся и не удастся. Прилетаю к ним и первое, что слышу: «Окситания – это вам не Франция!» В общем, как сказал поэт, «... и пресволочнейшая штукавина: существует, и ни в зуб ногой!»

В 2013 меня пригласили в Вильнюс. Сначала я попал на экскурсию, которую вела молодая блондинка, весьма иронично рассуждавшая о прежнем и новом литовском государстве. «Вы русская?» – удивлённо спросил я. «Нет, русские здесь себе такого не позволяют. Я полька. Вильно – наш город!» Потом была встреча с русскоязычными читателями, но вёл её литовский журналист. Назовём его Йонас.

Отвечая на вопросы публики, я обмолвился, мол, напрасно власти Литвы так глупо задирают Россию. Зачем ссориться с могучим соседом? Ведь неизвестно, что может случиться в будущем...

– А что может случиться? – аж подпрыгнул на стуле Йонас. – Вы надеетесь восстановить СССР? Вам никто не позволит. Эти границы навсегда!

– Я надеюсь на мир во всём мире, – ответил я. – Но советую всем, когда вернётесь домой, заглянуть в школьный атлас. Только в XX веке границы европейских стран менялись много

раз до неузнаваемости, а ваша столица двадцать лет принадлежала другому государству. Так почему вы уверены, что в XXI веке всё будет иначе?

На следующий день после объявления о возвращении Крыма в Россию рано утром раздался телефонный звонок. Это был Йонас, он почти кричал:

- Откуда вы всё знали?
- Вы о чём?
- О границах.
- О каких границах?
- Вы заранее знали про аннексию Крыма!

Интересно, если бы Северная Ирландия, отделившись от Великобритании, вернулась в родную гавань Дублина, он так же нервничал или счёл бы это восстановлением геоисторической справедливости вроде передачи Литве стольного града Вильно, за который Сталин прирезал Польше немецких земель, не считая. Но о таких мелочах наши бывшие сограждане теперь даже не вспоминают. Зря: прирезанное не всегда прирастает.

Ошиблись в национальном вопросе и идеологи коммунизма, грёзы о слиянии наций в единый трудовой коллектив не сбылись, хотя по их лекалам полвека кроили жизнь на доброй половине планеты Земля. И что? Ничего! Пролетарии всех стран не захотели соединяться, голос крови и историческая традиция оказались сильнее классовой солидарности. Более того, кое-где строительство социализма сопровождалось ростом национальных амбиций. О Польше даже не говорю: её «посполитизация» заметна, как ночной макияж на лице профессионалки. Китай тоже не скрывает, что осуществляет тысячелетнюю великоханьскую мечту.

Вот ещё интересная подробность: в восточных землях Германии, именовавшихся прежде ГДР, мигранты почти не безобразничают, тамошние немцы при социализме сохранили прусский нрав и при случае могут навешать зарвавшимся гастарбайтерам от всего «херца». Сказалось и то обстоятельство, что наши воины в отличие от союзников не глумились над побеждёнными, не унижали, не выколачивали из них человеческое достоинство. Кстати, как следует из рассекреченных документов, в зонах оккупации Великобритании, США и Франции, присутствие которой среди стран-победительниц потрясло фельдмаршала Кейтеля, имело место запредельное число изнасилований немок. Долгое время это тщательно замалчивалось, наоборот, раздувался чёрный миф о сексуальном беспределе Красной армии, чего просто не могло быть хотя бы по причине лютости наших законов. Да и люди мы совсем другие.

Я служил срочную в ГСВГ и хорошо помню отношение к немцам. Если что и раздражало в «камрадах», то это их паническое непонимание, как это три «дупелька» шнапса можно слить в один стакан и залпом выпить. Тут просматривался явный коммуникативный сбой. Поэтому осмелюсь предположить, что вялое сопротивление западногерманских дам домогательствам озабоченных мигрантов связано с историческим опытом: привыкли к распушенности союзников. А мужики западногерманские, напомним, не взяли тогда в руки биты, а в знак солидарности с поруганными подругами надели платья и вышли на улицы. Если это не цивилизационное помешательство, то что тогда?

Но мы отвлеклись. Увы, попытка создания новой исторической общности на одной шестой части суши, выкрашенной на карте в оптимистический розовый цвет, не удалась. СССР развалился, как наполненная бочка, с которой сбили железные обручи. Об этом печальном событии мы уж не раз говорили. Но сейчас я хочу обратить внимание читателей на тот факт, что в многонациональных государствах накопление гуманитарной энергии развала происходит в стабильные, «тучные» и мирные годы, когда отдыхающее государство, как дремлющий кот, в полприщурку смотрит на мышиную возню этнических мечтателей. На поверхность жажда самоопределения, межнациональная неуживчивость, региональная спесь, территориальные претензии выходят позже, когда ослабевает власть, страна переживает кризис, падает экономика, уро-

вень жизни, рушится социум, а с ними преференции и льготы, которые небольшие народы всегда имеют как бонус за лояльность в любой цивилизованной империи.

Про нецивилизованные империи речи нет: из них бегут, как рабы с галер, при первой возможности. В критические моменты у этносов, даже процветавших в составе большой страны, включаются механизмы самосохранения, никто не хочет тонуть вместе с «Титаником», даже если у него каюта класса люкс, каковые имели в СССР Грузия и Прибалтийские республики. Почему русские, занимавшие просторный третий класс с койками в четыре яруса возле машинного отделения, не бросились спасать черпнувшее воды судно, я уже писал в этих заметках, ссылаясь на выводы выдающегося учёного В. Соловья. Ныне волнение мирового политического океана в рамках допустимого, танкер «Россия» неспешно, но уверенно идёт по курсу. Самое время тем, кто ныне у штурвала, задуматься...

11. Разнородцы

Тысячелетний исторический опыт созидания и распада держав учит: почти каждый народ, даже самый немногочисленный, мечтает о независимости, подобно тому, как самая невзрачная кассирша грезит, что в их богом забытое отделение Сбербанк вдруг заглянет, «дыша духами и туманами», сам Герман Греф, влюбится в неё и, не сходя с места, женится. В личной жизни такое невозможно, а вот в геополитике редко, но случается. Иначе как объяснить, что тридцатимиллионный народ курдов до сих пор своего государства не имеет, а эстонцы и туркмены, которых в десять раз меньше, имеют. О Княжестве Монако я даже не говорю, это просто какая-то шутка Предвечного Крупье.

Но вот что любопытно, когда история, как правило, на обломках рухнувшей империи даёт шанс обретшему самостоятельность народу создать собственное государство, каждый лимитроф не прочь запереть в своих свежих границах несколько близлежащих племён, чьё точно такое же стремление к самоопределению вплоть до отделения воспринимается как злостный сепаратизм, достойный суровой кары. Не замечать эту двуликость этнического свободолюбия, очевидную при строительстве или демонтаже многонационального государства – то же самое, что мыть ноги в речке с пираньями.

Напомню, поляки, восставая против Российской империи, требовали не только национальной независимости, что отчасти справедливо, но и восстановления Речи Посполитой в границах XVIII века, куда входили бы и восточные Кресы – так они называли земли Киевской Руси, заселённые белорусами и украинцами, считавшимися тогда русскими. На меньшее повстанцы не соглашались – и очутились в Сибири. Кто же знал, что через полвека распад империй, подорванных мировой войной, подарит, к всеобщему удивлению, Польшу независимость и единство. Помните, у Маяковского про польский паспорт:

На польский —
глядят, как в афишу коза,
На польский —
выпяливают глаза
в тугой
полицейской слоновости —
откуда, мол,
и что это за географические новости?

Так появилась вольная Польша с суровым лицом «главного начальника государства», а точнее, диктатора Пилсудского, посадившего собственную жену по подозрению в шпионаже. Так что сажали не только «кремлёвских жён», как их назвала незабвенная Лариса Васильева.

А благодаря проваленному наступлению Красной армии, «чуду на Висле», ответственность за которое делят Тухачевский и Будённый, Польша не только «не сгинела», но и вернула себе на двадцать лет Кресы и Вильно. Правда, литовцы от отчаяния захватили немецкий Мемель – Клайпеду, но это я так – к слову.

Если брать недавнюю историю, – как тут не помянуть Грузинскую ССР, занимавшую каюту люкс рядом с камбузом на ракетоносном танкере «Советский Союз». Давным-давно доедаемая соседями, державшими кастрированных грузинских царевичей у себя в качестве заложников, она умолила московского царя взять её под высокую руку, благодаря чему уцелела и потом «цвела за гранью дружеских штыков». После революции Грузия ненадолго обрела самостоятельность, но потом все-таки благодаря грузинским большевикам оказалась в составе СССР, хотя их склочный сепаратизм почти до Большого террора портил жизнь московскому руководству, а вспыльчивый Орджоникидзе однажды в ярости побил местных соратников. Разбиралась специальная комиссия и оправдала Серго: достали – собственную грузинскую Красную армию захотели! Впрочем, в ход пускали не только кнут, но и пряники. Кто бывал в советском Тбилиси, где спрашивать сдачу с рубля считалось неприличным, понимает, о чём я говорю.

Однажды на съезде писателей СССР в Кремле грузинская делегация покинула заседание, возмущённая публикацией в журнале «Наш современник» рассказа Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». А ведь автор всего лишь с горькой иронией жителя скудного Русского Севера изобразил кичливое изобилие южной республики, достигнутое явно не за счёт самоотверженного труда.

На излёте советской власти к 300-летию Георгиевского трактата в Москве на Тишинской площади в знак вечной дружбы была воздвигнута по проекту поэта Андрея Вознесенского затейливая стела, словно сплетённая из кудрявых букв грузинского алфавита. В народе, точно предчувствуя скорые события, её прозвали «мечтой импотента». И вот в 1991 году Грузия со скандалом, хлопнув дверью, вышла из СССР, обвинив Россию в вековом попрании независимости гордого народа. Кстати, сказать, Москва, если не считать провокации с «сапёрными лопатками», не препятствовала самоопределению союзной республики: как говорится, насильно мил не будешь, хотя лишь за тот ущерб, какой нанесло исторической России предательство министра иностранных дел Шеварднадзе, они нам ещё лет триста должны платить контрибуцию цитрусовыми и сыром сулугуни. Но, учитывая вклад Сталина в нашу общую историю, так и быть: квиты. Можете считать это шуткой.

И что же? Едва «освободившись», Тбилиси начал действия против Абхазии и Южной Осетии, которые не захотели вместе с грузинами выходить из Союза. Имели право? Почему бы и нет, ведь и те и другие стали автономиями Грузинской ССР в результате прихотливой царской, а потом и советской межнациональной политики. Абхазия вообще была одной из равноправных республик, учреждавших СССР в 1922 году, и оказалась в составе Грузии лишь в 1931 году под давлением влиятельного Лаврентия Берии. Южная Осетия стала автономной областью только после кровавых столкновений и экспедиций, очень похожих на карательные. Оба народа явно испытывали к грузинам «отрицательную комплиментарность», если пользоваться термином Льва Гумилёва, и предпочитали после развала единого государства остаться с Россией. И что? Тбилиси воспринял это как мятеж и предательство. Началась война. Жестокая. За что? А за то, чтобы наша свобода не стала вашей свободой. Я не люблю, ей-богу, «дракономанию» наших либеральных интеллигентов, но тут шварцевская аллегория работает на все сто процентов. Борцы за общечеловеческие ценности боялись, что разрубленное на куски розовое тело имперского дракона, политое мёртвой водой русского шовинизма, ожив, снова закогтит несчастных «узников матрёшки» и начнёт изрыгать во все стороны напалм. Но оказалось, некоторые из отсечённых кусков сами превратились в дракончиков, злых и непримиримых к чужой свободе. Но, как известно, на каждое действие всегда найдётся противодействие.

Лет пять назад я поехал на Суздальский анимационный фестиваль, который проводили в том самом знаменитом комплексе Интуриста, где снимали некогда знаменитых «Чародеев». Гостям предлагалось множество услуг, в том числе лечебный массаж. Немолодая грузинка старательно месила на столе моё тело и, как и водится в этой профессии, за работой разговаривала с клиентом. Я спросил, как её занесло в Суздаль. Она ответила:

– Мы сами из Сухуми. Но грузины, – гордо уточнила массажистка. – Мой муж был большим человеком в Абхазии. Имели пятикомнатную квартиру на улице Ленина. Дом – полная чаша, одна хрустальная чешская люстра двадцать тысяч рублей стоила. Всё у нас было, но, когда началось, ничего с собой не взяли, еле сами спаслись. Мужа покалечили, сына убили... Директором целого универсама была, теперь вот этим кормлюсь...

Я искренне пожалел пожилую грузинку из Абхазии, но двадцатитысячная люстра, как символ нелепого национально-экономического перекося, буквально стояла у меня в глазах, ведь примерно в те же годы я, как школьный преподаватель, получал сто двадцать пять рублей в месяц с учётом классного руководства. Мне кажется, из распада СССР мы не сделали ни геополитических, ни административных, ни социально-этических выводов. И какая, в сущности, разница, о чём будут вспоминать чудом уцелевшие «хозяева жизни» – о баснословной люстре, о собственной футбольной команде на Британских островах или о вертолётной яхте, на которой плавали в то время, когда коренное население еле сводило концы с концами. Если вопиющая социальная несправедливость резонирует со стойкой национальной неприязнью, рушатся такие Иерихоны, что дух захватывает. Но вернёмся к теме.

Многие межэтнические узлы, разрубленные при распаде СССР и доставшиеся в наследство новым государствам, включая Россию, завязались ещё в начале прошлого века в результате тех компромиссов и решений, которыми сопровождалось сшивание страны, распавшейся после революции и Гражданской войны. Скажем прямо: порой области и регионы, населённые в том числе русскими, становились бонусами и взятками тем племенным элитам, у которых были серьёзные намерения и шансы для отделения, но жажда территориальных приобретений, пусть даже в составе красной империи, пересилила стремление к самоопределению. Увы, гигантомания – болезнь лилипутов. С чаяниями и настроениями обитателей прирезаемых земель, с «комплиментарностью» населения никто, разумеется, не считался.

Происходило это не только в 1920-е, когда «ещё закон не отвердел» и не «подёрнулась тиной советская мешанина». Крым тоже был бонусом, и поначалу его обещали, но так и не передали под создание автономной или союзной республики евреям, напомним, одного из самых многочисленных народов тогдашнего СССР. Активно лоббировали этот проект Ларин и Бухарин – тесть и зять. Ясное дело: Ялта лучше, чем Биробиджан. Прошла зачистка крымско-татарской партийной верхушки, настроенной весьма самостоятельно. Но проект был закрыт после разгрома оппозиции и гибели сторонников идеи еврейской республики на полуострове. Есть версия, что жена члена политбюро Вячеслава Молотова Полина Жемчужина, сама заместительница наркома, угодила в тюрьму именно за попытку после войны вернуть к жизни этот проект.

В 1950-е Крым стал, наверное, самой грандиозной в мировой истории, взяткой, которую получила от центра влиятельная украинская элита. На её поддержку Хрущёв очень рассчитывал в будущих схватках на власть, весьма неустойчивую. Дело в том, что украинские области были размерами невелики, но зато по количеству почти не уступали областям громадной РСФСР. Это очень важно, так как в политической системе СССР главными игроками на поле советской партийной демократии являлись как раз первые секретари обкомов. Именно они чуть не свергли Сталина, когда тот в 1936 году задумал провести альтернативные выборы в советы всех уровней, чтобы убрать из власти рубак «в пыльных шлемах», так и не понявших, что гражданская война и социалистическое строительство – вещи несовместные. Тех, кто

заинтересовался этой малоизвестной страницей советской истории, отсылаю к замечательной книге Юрия Жукова «Иной Сталин».

Обратите внимание, с украинской номенклатурой, рождённой «коренизацией», повторился тот же сюжет, как когда-то с польской шляхтой, приравненной к русскому дворянству, что не лучшим образом сказалось на судьбе империи Романовых. Думаю, чрезмерное влияние в общесоюзных органах власти выходцев с Украины с их особым хуторским (моя хата с краю) менталитетом сыграло свою роль в крушении Советского Союза. Вот лишь одно наблюдение. Когда военная цензура запретила публикацию моей повести «Сто дней до приказа», меня пригласил на собеседование ответственный сотрудник ЦК ВЛКСМ с типичной украинской фамилией. Мягко «гэкая», он ласково попенял мне за чрезмерную остроту прозы – на том и расстались. Вскоре его сделали главным редактором центрального молодёжного еженедельника, с которым я активно сотрудничал. Как-то в самом конце 1980-х, когда уже СССР трещал по швам и начался парад суверенитетов, мы с ним под рюмку обсуждали политическую ситуацию, и вдруг его как прорвало: передо мной сидел не крупный советский чиновник, озабоченной судьбой своей малой родины, а упёртый украинский националист, страдающий наследственной ненавистью к москалям. Еженедельником он, кстати, руководит до сих пор, а в 2014 году возмущался по поводу возвращения Крыма в родную гавань. Вот так, дорогой читатель.

Границы, проводимые внутри СССР, преследовали скорее политические, нежели этнокультурные цели, нередко Центру приходилось заискивать перед впадающими в восторг самоопределения окраинами. Недаром злопамятный наркомнац Джугашвили, придя по-настоящему к власти, расправился со всеми лидерами националистов, начав, конечно, с русских. Но давайте задумаемся: а можно ли было сшить страну иначе, без территориальных бонусов и заигрывания с влиятельными этническими элитами, не жертвуя интересами малых ради великих задач? Думаю: вряд ли. У нас часто любят напоминать, что поначалу Совет народных комиссаров был правительством инородцев, русских там вообще не было. Это, конечно же, преувеличение, но не слишком сильное. Вспомним: борьба за власть в партии шла между не совсем русским Лениным и совсем не русским Свердловым, а когда оба ушли из жизни при не выясненных до сих пор обстоятельствах, за трон схватились Троцкий, Каменев, Зиновьев и Сталин, все как есть нерусские. О Калинин, Молотове или Андрееве никто и всерьёз не говорил.

Но я бы не стал именовать их инородцами, скорее уж – «разнородцами», по аналогии с разночинцами, которых так звали совсем не потому, что они дослужились до разных чинов: коллежский асессор, надворный советник... Нет, это были люди, вышедшие, выломившиеся из своих сословий (дворянства, духовенства, чиновничества, купечества, мещанства), образовав новую страту со своими целями и идеями революционного обновления общества. Пути назад им уже не было.

Так же и «разнородцы» оторвались от родных этносов многоплеменной империи, образовав, как сказал бы Лев Гумилёв, «консорциум», интересы которого были кровно связаны с судьбой большой России. На исторической родине, а она есть не только у евреев, делать им было нечего: там местные повара готовили свои острые блюда. Печальная судьба красных латышей, эстонцев, финнов, венгров, поляков, вернувшихся к себе на родину, – тому свидетельство. Так вот, эти «разнородцы» больше всех стремились к восстановлению империи, рассчитывая на высокий статус в правящем слое. О том, что революция пожирает своих детей, эти марксисты, знавшие назубок историю Великой французской революции, как-то забыли. Они-то и собрали, склепали, сшили суровыми нитями, не считаясь ни с чем, СССР, в основание которого для прочности по старинной традиции и был замурован их мятежный прах.

Если бы во власти после революции царили политики, представлявшие исключительно русский народ, уставший от имперской ноши и донорства, осмелюсь предположить, что страну не собрали бы. Даже казаки хотели самостоятельности! Встал бы министр из вятских и сказал: «Да

пропади они пропадом со своими арыками, акынам, кишлаками, кунаками и шашлыками. Без них проживём!» Товарищ министра, воспитанный на статьях Михаила Меньшикова, добавил бы: «А Польша в благодарность за дарованную свободу должна забрать от нас своих евреев! Пусть возвращаются, откуда пришли!» Был бы тогда у нас великий Советский Союз? Нет, боюсь, не было бы...

Но вернёмся в 2008 год. За несколько дней до нападения на Цхинвал я ехал на праздник поэзии в село Багдади на родину Маяковского, где не был без малого тридцать лет. Когда проезжали через Гори, меня удивило обилие военной техники, офицеров и солдат на улицах. Сопровождавший нас литературовед с лицом Джеймса Бонда туманно объяснил: то ли учения, то ли народные гуляния, то ли день открытых казарм. «Гуляния – так гуляния...» – пожали мы плечами: наши сердца рвались в пенаты великого «горлана-главаря». После скромного «рецептала», по размаху даже не идущего в сравнение с прежними советскими праздниками братской поэзии, состоялось обильное застолье, вполне на уровне застойных пиршеств, и потчевали нас в том же самом горном ресторане, где мы гуляли 28 лет назад. Захмелев, подруга моей литературной молодости поэтесса Мзия Хетагури, с которой мы в 1980 году стали лауреатами премии ЦК ВЛКСМ и СП Грузии имени Маяковского, отозвала меня в сторону и, дыша барашком в молодом вине, жарко зашептала:

– Юра, ты пойми: нет никаких южных осетин и абхазов, есть только замороженные и обманутые грузины. Я знаю, что ты советник президента...

– Член президентского совета... – скромно поправил я, озадаченный тем, что поэтесса со звонкой осетинской фамилией отказывает в праве на существование древним аланам.

– Вот и скажи Путину: если он отдаст нам осетин и абхазов, мы станем его самыми верными союзниками на Кавказе!

– Да вы, кажется, в 91-м примерно то же самое обещали, а потом...

– Это всё Гамсахурдия и Шеварднадзе, белый лис. Теперь всё будет иначе!

Вернувшись в Москву, я увидел по телевизору страшные кадры погрома Цхинвала, гибель осетин и наших миротворцев. Вот и думаешь порой: а может, лучше пусть будет один большой добродушный дракон, чем дюжина его агрессивных обрубков? Впрочем, разве история когда-нибудь спрашивала у людей, куда ей скакать и где опускать свои копыта...

12. Неувязочка

Учитывая явное или скрытое стремление этносов к самоопределению, власть в любой многонациональной стране ведёт с этническими группами, её населяющими, сложную административную и культурно-политическую игру, иногда тонкую, многоуровневую, а иногда грубую, жёсткую, даже свирепую, доходящую до геноцида, как с армянами на землях Османской империи или с евреями в Третьем рейхе. Вы удивитесь, но ещё во второй половине XIX века мировое сообщество призывало Россию учиться у Германии, как надо эмансипировать евреев. Более того, когда началась Первая мировая война, правительству своих подданных-иудеев приходилось из зоны боёв на Западном фронте переселять в города Сибири и Урала. Нет, власть не опасалась за их жизнь, её пугали симпатии евреев к наступавшим немцам. Именно тогда рухнула черта оседлости, декрет Временного правительства лишь завершил начатое острожными царскими реформами и продолженное войной. Кто же мог вообразить, что немецкое государство через 20 лет придёт к патологическому антисемитизму?

Но есть и другие примеры. Так, Вена ради сохранения империи после грандиозного восстания венгров 1848 года, подавленного лишь с помощью России, верной букве и духу «Священного союза», пошла на переформатирование всего государства и стала Австро-Венгрией. Будучи в течение нескольких лет председателем общества дружбы «Россия – Венгрия», я много ездил по этой стране, любясь ландшафтными и архитектурными красотами, но особое

моё восхищение как драматурга вызвали роскошные здания театров, построенных во второй половине XIX и начале XX веков даже в небольших городах. По сравнению с иными из этих храмов Мельпомены наш МХАТ в Камергерском – рабочий, извините, клуб. Так Вена доказывала Будапешту плюсы и выгоды от пребывания в «лоскутной империи» и в общем-то доказала. Если бы не мировая война, неизвестно ещё, как сложилась бы судьба этой сверхдержавы. Во всяком случае Венгрия в итоге потеряла две трети земель, которые контролировала, будучи в составе империи Габсбургов. Сегодня в Будапеште в редком офисе или ресторане не висит на стене карта большой Венгрии, какой она была до Трианона. Не правда, ли достойная уважения любовь к прежним границам? И это в стране Евросоюза, мечтающего вообще стереть всяческие рубежи. К тому же старые карты, как мы знаем, имеют свойство оживать...

Между прочим, есть удивительная версия, будто эрцгерцог Фердинанд хотел, сев на трон, переформатировать страну, объявив её Австро-Венгро-Славией. Напряжённость росла: славяне, вдохновлённые успехом русских войск на Балканах, подняли головы, не хотели больше мириться с положением второсортных подданных Габсбургов. Дальновидным политикам стало ясно: лучше славян сделать союзниками империи, как венгров, нежели иметь их в качестве внутренних врагов. Но не всем эта идея нравилась. Лидеры национально-освободительного движения понимали: такое решение «славянского вопроса» резко снизит шанс на самоопределение вплоть до отделения. Во-первых, высокий статус этноса внутри империи примиряет с неизбежными ограничениями свободы, а во-вторых, изначально не все славяне кипели пассионарностью, как сербы или болгары. Не верится мне, что герои Гашека, покинув «пивницы», пошли бы на баррикады ради независимости. Может, именно за это просвещённые чехи и недолюбливают автора «Похождений бравого солдата Швейка»?

Однако на Балканах вопрос о скорейшем обретении независимости и собственной государственности стоял остро, спад народной освободительной энергии совсем не входил в планы борцов за свободу. Вот и дотянулась «чёрная рука» до несчастного Фердинанда и его беременной супруги, а вскоре не без помощи Антанты поднялось мощное государство Югославия, выстроенное по имперскому принципу. Могло ли сложиться иначе? Не знаю, но когда сегодня за сорок минут доезжаешь из Вены в Братиславу, чтобы поесть гусиной печёнки, думаешь: «Наверное, могло...» Дружнее надо жить империям, глядишь, уцелели бы... Впрочем, тогда бы они не были империями.

В России тоже вели с населявшими её народами свою игру, используя традиционные кнут и пряник. Бояр и воевод за лишние обиды, чинимые неруси, царь порой сурово наказывал. Своих русских смутьянов карали куда как строже: Пугачёву отрубили голову, а генералиссимуса Тадеуша Костюшко, пролившего крови не меньше, помиловали. Декабристов повесили, а Шамиль доживал век на обильных казённых харчах в Калуге, дети его были обласканы при дворе. Говорят, когда его, пленённого, полмесяца везли к месту ссылки, он вздыхал, мол, если бы знал, что Россия такая большая, никогда бы не стал с ней воевать. Впрочем, генерал Дудаев знал, даже излетал СССР вдоль и поперёк. А толку? История мне напоминает иногда даму, которая пользуется всеми мыслимыми способами предохранения и регулярно при этом залетает.

О межнациональной политике большевиков мы уже в этих заметках говорили, и не раз. Добавлю, она всегда была извилиста, противоречива и зависела от текущих задач, ибо к чему заморачиваться принципами, если впереди всё равно маячит слияние наций. Но учитель истории, поставивший мне в 10-м классе пятёрку за реферат «Советский народ – новая историческая общность», в конце 1980-х годов эмигрировал в Израиль. В 1920-е, когда надо было максимально ослабить имперский русский народ, в котором ошибочно видели ресурс для реставрации монархии, советская власть в конфликте казаков с горцами горячо поддержала кавказские народы. «Расказачивание» по жестокости и размаху мало чем уступает холокосту. Однако через два десятилетия во время Великой Отечественной войны та же власть казаков,

отважно воевавших, реабилитировала, частично вернув былые привилегии, а вот их вчерашних супостатов – горцев и некоторые другие народы наказала депортацией. Думаю, карала она не столько за коллаборационизм, этим грешили и украинцы, и русские, и прибалты, но прежде всего, мне кажется, за неблагодарность. Сталин, как человек Кавказа, был очень чувствителен к этой категории взаимоотношений. Мол, мы вас холили и лелеяли, вознесли над русскими, а вы за предоброе презлым отплатили!

В руках государства есть ещё один мощный инструмент межнациональной политики, ведь мало быть отдельным этносом, надо ещё, чтобы власть тебя признавала таковым. А разве бывает по-другому? Да сколько угодно! Поляки в упор не видят кашубов. На Украине отказывают в праве русинам считаться самостоятельным народом, хотя у этнологов на этот счёт сомнений нет. Наоборот, учёные весьма скептически относятся к этнониму «украинец». В самом деле, много ли общего у галичанина, харьковчанина и одессита? Про Донбасс и говорить нечего. А поди ж ты – титульная нация!

Лет десять назад у меня в радиоэфире возник спор с киевским академиком, который, упрекая нас, всё время твердил: «Вот вы, россияне...» «Вы кого имеете в виду?» – уточнил я, не выдержав. «Вас, русских...» – «Тогда, так и говорите. Россиянин – это гражданин России, он может быть русским, башкиром, евреем, аварцем... Вот вы сами-то кто по национальности?» «Я... украинец...» – неуверенно ответил он. «Допустим, а если бы вы были русским, но при этом гражданином Украины, как вас называть в таком случае?» «Украинцем!» – с нарастающей обидой ответил мой визави. «Но так не бывает!» «Бывает!» – в его голосе послышалась угроза. «Зря! Запутаетесь. Возьмите пример с России, введите термин «украинянин», он будет обозначать гражданство, а «украинец» – национальность...» «Не хотим!» – взревел академик так, что ведущий испугался за целостность студии. «Тогда у вас там всё плохо закончится...» – предостерёг я и, к сожалению, не ошибся.

Казалось бы, плёвое дело, как себя называть. Может быть, вообще не стоит циклиться на племенной принадлежности. Такая точка зрения существует, особенно среди тех, кто затрудняется с национальной самоидентификацией, испытывая раздвоение этнического сознания. О таких людях я писал выше. Думаю, они и пролоббировали изъятие графы «национальность» из паспорта, считая её ненужной, даже вредной, усугубляющей межплеменную рознь. Но у подавляющего большинства, отчётливо сознающего, какого они роду-племени, эта графа затруднений не вызывает и даже предпочтительна, судя по тому, что в некоторых автономиях ввели вкладыши, куда по желанию гражданина вписывается его национальность, чтобы не забыть.

Наша просвещённая власть, озабоченная формированием гражданского общества, изымая пресловутую графу из паспорта, рассуждала, видимо, так: для государства любой человек – прежде всего гражданин России независимо от разреза глаз, цвета волос, формы носа и языка, на котором говорили его предки, а возможно, продолжает говорить и он сам. Логично? Вполне. Скажем, судье, вершащему закон, не важна ваша племенная принадлежность, хотя этнические преступные сообщества существуют. Выходит, если гражданину лишний раз не напоминать о его национальности, то чаемая российская политическая нация сложится быстрее и будет прочнее. Так ли это? Не уверен... Но пока оттого, что из паспорта исчезла эта графа, а из анкет не раз осмеянный «пятый пункт», я не перестал ощущать себя русским, а мои друзья соответственно – татарами, евреями, аварцами, карелами и т. д. Национальность ведь не в графе, а в сердце или в голове. У кого как... В общем, налицо административный эксперимент, причём более гуманный, чем в иных европейских странах, где в анкетах появились вместо пап и мам, родитель-А и родитель-Б.

Но возникает одна неувязочка. Как от родителей, чей пол теперь обозначают литерами, появляются дети, я ещё могу себе представить. Но на каких правовых основаниях у нас существуют автономии, носящие имена «Татарстан», «Саха-Якутия», «Адыгея», «Калмыкия»? Нет, я понимаю, откуда, горячо, как говорится, поддерживаю, одобряю и желаю процветания

именно в таком качестве. Но, согласитесь, если для государства не существует национальности граждан, то почему для него существуют национальные субъекты? Откуда они взялись?

Откуда мы знаем, что в Калмыкии живут калмыки, если их этническая принадлежность нигде не зафиксирована. Ах, у них заметный разрез глаз? Ладно. А карела от русского сразу не отличишь, но Карельская АССР – вот она, на карте. Можно, конечно, сказать, мол, это – просто дань исторической традиции. Есть же во Франции Нормандия, Прованс, Шампань и даже Коньяк. Но, во-первых, такое сравнение очень не понравится титульным народам наших автономий, во-вторых, у этих провинций нет конституций, а в-третьих, там не говорят и не ведут делопроизводство на шампанском или коньячном языках. Более того, изначально смысл наших автономных субъектов в том и заключался, чтобы сохранять и развивать национальную самобытность того или иного этноса в многонациональном федеративном государстве. Плохо ли это? Замечательно. Благодаря такой политике в России не исчез ни один малый народ.

Что же смущает? Скажу: абсурдистская логика и теоретическая беспомощность в деле государственного строительства. Абсурд интересен в искусстве, но опасен в политике. Помните, мы уже говорили про то, что в Конституции СССР тоже была одна маленькая неувязка: забыли прописать процедуру выхода из Союза. А чем всё кончилось?

13. Инкубатор Фаберже

Справедливости ради должен сказать, наша федерация с точки зрения поддержания и даже процветания этнического разнообразия выстроена образцово, можно мастер-классы проводить с лидерами многонациональных держав, а Украина прямо-таки напрашивается на проведение практических занятий с участием российского спецназа. У нас каждый, даже самый маленький народ имеет возможность учить детей на родном языке, развивать свои культуру, экономику, участвовать в управлении не только своим родным краем, но и выходить на федеральном уровне. Мэр Москвы Собянин – выходец аж из Ханты-Мансийского автономного округа. В российском правительстве, правда, пока маловато, как говорили прежде, национальных кадров. А «питерский» не запишешь в «пятый пункт», даже если его и вернут. Но ещё не вечер...

Центральная власть делает всё возможное, чтобы показать и доказать автономиям: в единой семье российских народов им будет лучше, комфортнее, безопаснее, а повторять «парад суверенитетов» бессмысленно и опасно. Думаю, лучше других ощутила это на себе Чечня, возрождённая из разрухи и расцветшая после замирения. Что и говорить, не каждый автономный лидер – кунак Путина. Кстати, вы заметили, как незаметно, без шума президенты республик стали у нас, по крайней мере в информационном пространстве, именоваться просто руководителями и главами? В результате в стране остался один президент, что абсолютно правильно. Страна, в которой дюжина президентов, долго не простоит, разделившись в себе...

Поддержка национальных регионов – это не только бюджетные вливания. Огромную роль играют символические действия и жесты. Ну где ещё столица государства добровольно уступит историческое старшинство региональному центру? Боже, как расцвела Казань к моменту празднования своего 1000-летия, хотя прежде была почти ровесницей Москвы. Благодаря сравнительно недавним археологическим открытиям дата основания города была уточнена и отошла в глубь веков. Думаю, и под кремлёвской брусчаткой тоже могли найти монетку или фибулу времён легендарных «мосхов», фигурирующих в Библии под именем «магогов». Но ведь не нашли! «Старшему брату» иногда полезно побыть младшим. А чтобы у казанцев голова не закружилась, через некоторое время очень широко отметили 2000-летие древнего Дербента. Я там был, мёд-пиво пил и запомнил золотые слова, сказанные тогдашним руководителем Дагестана Рамазаном Абдулатиповым. Звучали они примерно так: очень хорошо, что у нас заботятся о самочувствии и благополучии народов и народностей нашей страны, но нельзя забы-

вать, что стабильность и развитие державы в первую очередь зависит от самочувствия самого большого – русского народа, а про это у нас порой забывают...»

Продолжу мысль видного государственного деятеля. Если сверхзадача нашей федерации – обеспечить развитие и процветание каждого, «сущего в ней языка», то, полагаю, и мы, те, кто «от корня русского», в это число тоже входим. Но пройдите по любому областному центру, не говоря уже о Москве и Питере, много ли вы найдёте вывесок: «Дом русского народного творчества», «Центр традиционной русской культуры», курсы русской кулинарии «Демьянова уха», школа русской песни и пляски «Семёновна», «Беседа ревнителей русского языка», радиостанция «Русский голос», газета «Русский вестник»? Не найдёте. Более того, недавно на заседании Общественного совета Министерства культуры мы обсуждали конфликт вокруг знаменитого музыкального коллектива «Баян». Оказалось, в целях повышения творческого потенциала его решили переподчинить, реорганизовать и заодно... переименовать. Зачем? Кому мешало знаковое для каждого образованного человека название «Баян»? Внятно ответить никто не смог. Но те, кто взрывал в 1920–1930-е годы храмы, тоже потом несли какую-то околесицу. Каганович, тот на все вопросы мрачно повторял: «Проезду мешали...» Какому проезду мешал «Баян»? Или название слишком русское?

А скажите, какие структуры или органы в нашем Отечестве отвечают или хотя бы контролируют на общегосударственном уровне проблемы русских как этноса, состояние его культуры, языка, демографии, уровня жизни? Кто отслеживает миграцию, изменение этнического состава населения, сохранность русских городов и сёл, склонных к исчезновению? Не будем забывать: русские перенесли в XX веке послереволюционный террор, Гражданскую войну, массовый голод, жуткие социально-экономические эксперименты, депортации, потеряли миллионы в войнах, в довершение после развала СССР оказались ещё и разделённым народом. При очевидной депопуляции и склонности к ассимиляции, объясняемой историко-культурными особенностями, должно вести речь о системном кризисе государствообразующего народа России, на что весьма прозрачно намекнул Абдулатипов. Повальное пьянство, особенно в деревне, – это лишь один из признаков неблагополучия: «пошла по жилам чарочка – и рассмеялась добрая крестьянская душа...»

Так покажите мне тот «русский приказ» в украсно-украшенных теремах царя-батюшки, куда я, заботник-челобитник, могу принести, взыскав справедливости, скорби и заботы о моём бедствующем племени? Нет, такого «приказа». Нигде. Ну хоть бы какой подотдельчик в администрации президента или в правительстве завели. Даже у коммунистов такой отдел имелся, а уже такие интернационалисты были – святых выноси.

Наши центральные властные структуры принципиально надэтничны, и это, по сути, правильно. Федерация есть федерация. Но точно так же ведут себя губернские органы власти. Они-то почему? Ну, во-первых, они копируют Москву, во-вторых, правящий слой там традиционно состоит людей со стёртым или слишком глубоко спрятанным национальным сознанием: так работают карьерные лифты и фильтры. Эту строевую «безэтничность» прививают выдвиженцам в самом начале, и она особенно бросается в глаза на встречах со слушателями Академии государственной службы, особенно с тех пор, как её возглавил господин Мау.

В-третьих, в любом городе бдят СМИ и активисты фондов, тщательно отслеживающие проявления великодержавности. Помню, как-то на последискуссионном фуршете рядом со мной закусывал активист московского антифашистского комитета Крошечкин, если не ошибаюсь. Выпив несколько рюмок, он глянул на меня с карательной усмешкой и молвил: «А мы к вам, господин Поляков, давно присматриваемся...» – «С чего бы это?» – «Уж очень вы любите слово «русский». Нехорошо. Подумайте об этом!»

Я не сделал выводов из предостережения, а многие мои коллеги-писатели сделали и не нарадуются, ведь один из руководителей «Роспечати» мне так и заявил: пока он исполняет эту должность, никаких почвенников на книжных ярмарках и вообще не будет! Кого называют

почвенниками в современной отечественной литературе, общеизвестно. Хорошо, что он не руководил этим направлением в XIX веке, а то бы не видать нам ни Достоевского, ни Писемского, ни Лескова. Однажды во Франкфурте после выступления официальной делегации российских литераторов, в которую я, конечно, не входил, кто-то из немецких русистов меня тихо спросил:

- А что, разве русские писатели к нам больше не ездят?
- С чего вы взяли, что эти-то не русские?
- Русские свою страну так хают!

Мне кажется, стёртость национального самосознания становится для нас серьёзной проблемой. Она ведёт к снижению чувства ответственности политиков, чиновников, бизнесменов, деятелей культуры перед своим народом. Выполняя завет, оставленный Гоголем писателям – «проездиться по России», я заметил такую особенность: наши автономии, особенно их столицы (не все, но большинство) выгодно отличаются от русских губернских центров, не говоря уже о районных городах, которые запоминаются лишь красотами, оставшимися от дореволюционных купцов и почётных граждан. Национальные регионы выглядят благополучнее, ухоженнее, богаче, чем русские. Отчасти так было уже при советской власти: помню, в начале 1980-х после Молдавии я сразу поехал в калужскую глубинку – в Людиново и оторопел от контрастов. Но теперь эти отличия просто режут глаза.

Вряд ли бюджетные вливания в наши автономии (за известными исключениями) в разы превышают вложения в русские области, хотя без традиционного донорства дело вряд ли обходится. Но главная причина, думаю, в другом: управленческая и бизнес-элита, сформировавшаяся в национальных регионах на основе сначала «коренизации», а потом и «неокоренизации», гораздо серьёзнее относится к будущему своих народов, чем элита русских областей. Это не значит, что там, «у националов», не воруют, не берут взятку, не злоупотребляют. Без этого, видимо, нельзя, если не казнить и не конфисковать, и то всегда отыщутся отчаянные головы. Но, простите за кощунство, патриотизм иногда выражается в понимании того, сколько можно украсть, а сколько должно оставить на развод ближним – именно таким словом в Ветхом Завете именуются соплеменники. В какой-то момент просто щёлкает реле племенной солидарности.

Так вот, у нашей политической, управленческой и бизнес-элиты такое реле (его ещё можно назвать «этнической совестью») не щёлкает или отсутствует отчасти потому, что значительная часть нашего верхнего класса не чувствует кровной связи со страной, она готова при случае сняться и улететь в тёплые края. Моя наделавшая шума статья так и называлась «Перелётная элита». «Перелётные» знают, в случае опасности или утраты выгод всегда можно укрыться там, откуда своих не выдают. Но к этой отчуждённости нам не привыкать, и выше говорилось, что русские никогда не преобладали в верхних слоях Российской империи. Однако на Руси всегда хватало благотворителей и искренних патриотов. Но, увы, сегодня безответственность перед своим народом стала характерной чертой даже самых истовых русских, чьи кабинеты и офисы заставлены иконами, как монастырские сувенирные лавки. Так они и сматываются из Отечества: одним самолётом вывозят чад и домочадцев, а другим, грузовым, иконы и яйца Фаберже.

14. Этноэтика

Но ведь чувство долга перед соотечественниками – это не врождённое свойство, не прививка от гриппа. Чик – и готово. Его, это чувство, надо воспитывать, внушать, иногда пришивать суровыми нитками. А почему нет? Курить-то нас отучают по всей строгости карательного здравоохранения. Можно по-разному относиться к Белинскому, Писареву, Добролюбову, Чернышевскому, но так называемые революционеры-демократы, не говоря уже о славянофилах, отличались болезненным, гипертрофированным чувством долга, даже острой вины перед

своим народом. Наша классическая литература воспитывала в гражданах ответственность, доходящую до жертвенности. Конечно, не все усваивали эти идеи. Некоторые прибегали к двойным стандартам: так, Гер-цен, проклиная крепостное право, с выгодой продал своих крестьян, чтобы без помех заниматься революцией. Кстати, на самом дорогом кладбище Нищизна автора «Былого и дум» самое обширное, говоря по-нынешнему, «могило-место». Но это другой вопрос.

В СССР литература, кино, театр занимались тем же самым, в особо опасных случаях аккуратно именуя народ «трудящимися». Без этих чувств – вины и долга – невозможно понять Платонова, Шолохова, Бондарева, Распутина, Астафьева... А вот из современной российской литературы, которую окормляет почему-то Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, даже тень сочувствия к народу выветрилась, осталось в лучшем случае брезгливое снисхождение. Подумаешь, нищелюбы! Вот если бы человеку при советской власти дважды отказали в выезде на ПМЖ за границу – это настоящая трагедия. А когда в одночасье учителя, врачи, инженеры рухнувшей страны оказались нищими, а рабочие – безработными, разве ж это катастрофа? Это реформы. К тому же в лесу полно грибов и ягод.

Более того, презрение к стране, к людям, к российской государственности, а то и русофобия стали своего рода маркерами премиальной литературы. В одном романе, помню, автор сообщал в первой же главе, что гимн с детства ассоциируется у него с испражнениями, так как в 6 часов утра его будило радио, всегда начинавшее вещание с гимна, и он брёл в туалет. Надо ли объяснять, что книга получила, кажется, «Букера» и автор вошёл в состав агитбригады, которую за казённый счёт постоянно вывозят на книжные ярмарки. Мало того, Институт перевода за казённый счёт активно продвигает подобные сочинения за рубеж.

В другом романе неграмотная татарка ужасается, видя на карте страшный силуэт СССР, и этот монстр терзает другие страны. Не важно, что тёмная женщина вряд ли могла разбираться в политической карте мира (у нас не каждый старшеклассник это умеет), главное – правильная позиция автора, за что была выдана премия «Большая книга», а графоманский роман переведён на десяток языков. Нормально?

Вот ещё типичное, увы, наблюдение. На замечательный Грушинский фестиваль бардовской песни приехал один из старейших «любимовцев» с молодёжной труппой и привёз спектакль по стихам Евгения Евтушенко. Я слушал, недоумевая: из всего наследия этого сложного и переменчивого в настроениях поэта с ювелирной точностью были вычленены только те стихи, где автор порицал Россию или предъявлял ей претензии, связанные в основном со сталинизмом. А что, разве нельзя? Ну почему же... Можно, например, поставить спектакль «Пушкин и Христос», где прозвучит только безбожная, но дьявольски талантливая «Гавриилиада». Но разве же этой, по сути, кощунственной поэмой исчерпывается отношение великого поэта к Вере? Нет, конечно... И хочется спросить: зачем? Зачем замалчивать или просто купировать, как непородистые щенячьи уши, замечательные патриотические стихи Евтушенко? А затем, полагаю, чтобы молодой слушатель, не знающий метаний автора «Братской ГЭС», по окончании спектакля встал в полной уверенности, что один из самых громких русских поэтов XX века своё Отечество не любил и другим не советовал.

В своё время я долго убеждал руководителей разных каналов – вернуть поэтическое слово в эфир, ставя в пример «Стихоборье», которое вёл на канале «Народные университеты» в 1995–1996 годах. Наконец, это случилось: такая передача появилась на канале «Культура», называлась она «Вслух», а вести её поручили длинноволосому телевьюноше, манерой говорить напоминавшему лимонадный фонтанчик. Замысел был прост: молодые и не очень молодые поэты, состязаясь, читали в эфире стихи, а мэтры, в основном самопровозглашённые, их оценивали.

Но за несколько сезонов существования проекта я не услышал в эфире ни строчки о Родине, о России, о любви к Отечеству, хотя, как главный редактор, читающий кипы прислан-

ных в ЛГ стихотворений, отлично знал: патриотическая, в том числе русская тема, весьма распространены в современной отечественной поэзии. Вопрос: кто и зачем устанавливает фильтры, не допускающие в эфир патриотическую тему, присущую отечественной поэзии? Если изготовители «контента» почему-то не любят Россию, им вообще не стоит доверять эфир, как педофилов нельзя пускать в пионерский лагерь. Кстати, те же самые фильтры в той же самой передаче почему-то не пропускали и поэзию, написанную на языках наших автономий. Странное совпадение, не так ли?

А возьмём важнейшее из искусств – кино, чьё влияние на формирование стереотипов поведения и шкалы ценностей общеизвестно. Достаточно сказать, что кинематограф – главное орудие агрессивной американизации, а точнее, голливудизации жизни. Так вот, если и появляется в отечественном кино персонаж, настроенный патриотически да ещё озабоченный русским вопросом, в итоге он оказывается или мерзким расистом, или политическим авантюристом, или вором, прикрывающим риторикой свои махинации. Но чаще – и первым, и вторым, и третьим в одном флаконе. А ведь среди татар, якутов, адыгов, евреев тоже есть люди, болезненно озабоченные прежде всего судьбой своих народов, но я ни разу не видел, чтобы их представляли на экране в таком отвратительном виде, как русских.

Характерна концовка фильма Андрея Звягинцева «Нелюбовь». Там героиня, чьё материнское равнодушие погубило ребёнка, появляется в последних кадрах, облачённая в красный спортивный костюм с белой надписью «Россия». Неверная жена и преступная мать равнодушно крутит педали стационарного тренажёра, бессмысленно глядя вдаль. «Куда мчишься, птица-тройка?» Не даёт ответа...

«Русский вопрос» на нашем ТВ заслуживает отдельного и подробного разговора. Пока приведу лишь один пример. Смотрю очередную передачу из цикла «Нерусские русские» – фильм о моём любимом актёре Василии Меркурьеве и его жене Ирине Мейерхольд. Авторы передачи с каким-то утробным удовольствием доносят зрителям, что Василий-то Васильевич, создавший на экране классические образы русских удалцов и хлебосолов, сам-то, оказывается, из немцев. Ну и что? По мне, хоть последний из удэге, был бы актёр хороший. А его тесть, продолжают нас просвещать авторы, великий Мейерхольд – невинная жертва Большого террора. Минуточку, коллеги, зачем же лепить горбатого? Общеизвестно, что именно великий Всеволод Эмильевич, увы, сильно постарался, чтобы в советском искусстве репрессии стали одним из главных способов разрешения идейно-эстетических споров. И опять хочется спросить: зачем? Вы хотите нас убедить, что русским по духу человека делает не кровь? Мы знаем без вас. В этом и состоит сила нашей цивилизации. Или же вы стараетесь исподволь внушить нам мысль, что русская культура стала великой лишь потому, что её создавали люди нерусские? Вопрос весьма спорный. Что ж, запускайте передачу «Русские русские», посчитаем и разберёмся. Не забудьте прихватить циркуль – черепа мерить. Но ведь никогда на нашем ТВ не будет передачи «Русские русские». Ни-ког-да! И тут мы вступаем в область этнической этики, о которой наша медийная публика даже представления не имеет...

Несколько раз мне доводилось подвизаться ведущим на разных телеканалах, и я обратил внимание на странное обстоятельство: эфирный персонал, чаще всего редактора, нередко страдают странной ментальной болезнью с тремя симптомами: антисоветизм, отчизноедство и русоплюйство. Причём этот недуг служит своего рода признаком интеллигентности, даже избранности. А что? Считали же в XIX веке, что сифилис обостряет талант и что без бледной спирохеты на Монмартре делать нечего. В последнее время к триаде добавился новый симптом – путинофобия. Неприязнь к «бессрочному», как они считают, президенту сегодня сплачивает нашу либеральную интеллигенцию (даже ту, что с выгодой работает на правительство) покрепче, чем монархистов объединяло желание взять Царьград и проливы.

Став ведущим передачи «Дата» на ТВЦ, я сначала никак не мог понять, почему в сценарии фигурируют исключительно имена и события зарубежной истории и культуры, в крайнем

случае российские эмигранты, преимущественно третьей волны. Стал выяснять. Оказалось, в редакции есть только энциклопедия заграничных знаменательных дат. Купил им отечественный справочник. Результат тот же самый. Тогда в прямом эфире я понёс отсебятину про низкоклонство перед Западом и Клавдию Шульженко, юбилей которой мы якобы прошляпили из-за Клаудии Шиффер. Вышел скандал. Наябедничали Олегу Попцову, тогдашнему начальнику ТВЦ. Он разобрался, навалял западникам и обязал их не менее половины сюжетов посвящать отечественным именам и датам. Потом я перешёл на работу в ЛГ и через месяц, увидев передачу «Дата» с другим ведущим, оторопел: всё вернулось на круги своя. Купленный мной справочник, видимо, на радостях сожгли, возможно, в ритуальных целях.

И на других каналах, где мне приходилось работать, я замечал такую же особенность: юбилейные или скорбные даты, связанные с «нерусскими русскими», как-то сами собой попадают в эфирную сетку, точно по выделенной полосе. А вот про «русских русских» приходится напоминать, убеждать, давить. Мы даже в своё время в ЛГ открытое письмо публиковали, когда все каналы дружно «не заметили» смерть крупнейшего русского поэта Юрия Кузнецова. Помню, как пробивал в эфир сюжет о премии имени Аркадия Пластова, знаковой фигуры для русской реалистической живописи XX века. Но его вытеснил из сетки фестиваль то ли Шагала, то ли Кандинского. Я возмутился – мне клятвенно обещали: через год непременно исправим ошибку. Год пролетел, как молодость. Вот сижу я, подгримированный, в студии и, пока выставляют свет, листаю сценарий:

– А где же премия Пластова?

– Какого Пластова?

– Того самого.

– Камера у нас сломалась, – отводя глаза, объясняет руководитель программы.

– Тогда считайте, что и ведущий у вас сломался, – отвечаю я, отстёгивая «петличку», и встаю.

– Ну что вы, Юрий Михайлович, так нельзя! Мы же интеллигентные люди...

– Неужели?

И всё сразу нашлось: и камера, и машина, и место в эфире... И ещё я заметил: когда борешься за место для «русских русских» в информационном пространстве, на тебя как-то странно смотрят, мол, вроде нормальный с виду, хорошо одетый и причёсанный гражданин, не пьяный, а вместо галстука повязал на шею змею.

Как ни странно, в нашей многоплеменной державе практически не разработана такая важная дисциплина, как этническая этика, а ведь её азы наряду с религиозными основами надо преподавать в школе и в расширенном формате в среднеспециальных и, конечно, высших учебных заведениях. В вузах, готовящих учителей, медийный персонал, чиновников, будущих деятелей культуры, офицеров, – этноэтика вообще должна стать одной из основных дисциплин и опираться на последние достижения науки. Точнее, на достижения наук, ведь «народоведение» – это и история, и археология, и генетика, и этнография, и психология, и фольклористика, и социология, религиоведение... Люди, которые принимают политические решения, учат, воспитывают, оглашают эфир, снимают фильмы, пишут книги и школят нашу многонациональную армию, должны понимать: национальное чувство хоть и гнездится в голове – это объективная реальность. Оттого, что ты сам вырос на Арбате и считаешь себя по национальности москвичом, эта объективная реальность никуда не исчезает, а порой набухает кровью.

Лет десять-двенадцать назад меня попросили слетать в Баку на конференцию вместе с одним чиновником из администрации президента. Когда самолёт набрал высоту, этот симпатичный молодой человек, прежде занимавшийся оптовой торговлей, хлебнув аэрофлотовского виски, попросил меня:

– А теперь расскажи мне по ходу, что там азеры и хачики не поделили?

15. Дайте руку верную!

На протяжении этих затянувшихся заметок я не раз утверждал, что русские в России как этнос пребывают в некоем странном межумочном положении, являясь в известной степени народом по умолчанию, или своего рода «этническим эфиром», неразличимой субстанцией, в которой идут процессы формирования и развития других этносов, населяющих нашу страну. Некоторые титульные этнические группы, территориально сформировавшись в недрах СССР, в начале 1990-х обрели самостоятельность, упорно именуя её независимостью, и превратились в национальные, по сути, государства. Сейчас они с помощью «национальной идеологии» делают всё, чтобы население как можно быстрее забыло общее имперское и советское прошлое. «Русский след» в истории старательно зачищается.

Ситуация же с русским населением в РФ печально напоминает мне «османский синдром». О том, к чему он привёл в конце концов блистательную Порту, шла речь выше. Более того, ныне в федеральных центрах, особенно среди чиновничества, бизнесменов, творческой, научной и медийной публики укоренилась поощряемая ещё с советских времён мода на «безэтничность». «Желание быть русским» тихо, но последовательно не одобряется, даже осмеивается, как нечто нелепое, недостойное современного человека. Помните, у незабвенного Козьмы Пруткова есть пародийное стихотворение «Желание быть испанцем»?

Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару.
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.

Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколату...

Примерно так же нынешние потомственные иронисты относятся к нашему с вами стремлению быть русскими. Но если стремление русского стать испанцем действительно забавно, то желание русского быть русским – совершенно естественное чувство, более того, оно просто необходимо для дальнейшего существования крупнейшего народа нашей страны. Только одно это обстоятельство требует коренного пересмотра «русского вопроса» на общегосударственном уровне и создания специальных властных органов в центре и на местах, своего рода «Русского приказа», ведающего нашими этническими интересами, проблемами и перспективами.

Но можно взглянуть на проблему и с точки зрения перспективной целостности всего нашего многоплеменного Отечества. Напомню, отсутствие структурированных русских общин и организаций в союзных республиках роковым образом сказалось на судьбе СССР. Мы хотим повторить этот печальный опыт? А ведь тогда в силу конституционного советского интернационализма и атеизма этноконфессиональный фактор ещё не вошёл в такую силу, как сейчас. Теперь всё иначе, а на что способен этот фактор, мы видели на примере ИГИЛ¹. Зря, что ли, было принято решение уничтожить или хотя бы радикально ослабить это зло ещё за порогом нашего общего дома?

Кроме того, ослабление русского самосознания, якобы не вписывающегося в концепцию новой общности «российский народ», ведёт к обратному результату, а именно: денационали-

¹ Организация, запрещённая в РФ.

зированные русские хуже выполняют функцию «соединительной такни» федерального организма: просыпаются регионализм, автономничество, усиливаются субэтнические настроения. Куда они могут завести, хорошо известно по истории Гражданской войны и лихих девяностых. Забыли про Уральскую республику и казачью автономию?

Напомню, что ещё в начале прошлого века белорусы и малороссы были региональными субэтнотами единого русского народа. Ныне это уже отдельные народы, а украинцы даже свою государственность строят на противостоянии Москве. Определённые силы сегодня этот процесс пытаются распространить и на РФ, ведь от регионального эгоизма до сепаратизма путь недолог, особенно в эру развитых политических технологий. А теперь вспомните этническую карту нашей страны, похожую на архипелаг, и вообразите, что случится, если областники и регионалы, которым центр порой мешает быть русскими, договорятся с национальными элитами, имманентно, в силу объективных законов этногенеза настроенными на самоопределение, о чём тоже не раз говорилось в этих заметках.

Распад СССР во многом был связан с тем, что русское население республик поверило в плодотворность сепаратизма, рассчитывая в будущих лимитрофах на лучшие условия национальной самореализации, нежели в советской системе, и временно сомкнулось с «народными фронтами». «Нас просто использовали и обманули!» – со слезами на глазах жаловался мне один рижский русскоязычный поэт. – Мы им этого никогда не простим!» Интересоваться надо этнической историей и обычаями соседей по коммуналке, тогда они точно не обманут и не станут в одночасье «ответственными квартиростьмщиками», предложив вам лечь на лавочку, а хвостик спрятать под лавочку. В своё время для комсомолок, высоко державших знамя девственности, издавали брошюры типа «Знать, чтобы не оступиться...» Впрочем, всё равно оступались.

Нет, я не утверждаю, что впереди нас непременно ждёт новый парад суверенитетов, скорее всего, наша федерация и президент Путин гарантируют нам целостность страны. А потом, после Путина? Редкий отечественный властелин угадывал с преемником, но даже если на этот раз повезёт, просчитывать различные футурологические сценарии в любом случае необходимо. К тому же в отличие от советских времён у нас нет теперь мощной системы интернационального воспитания, мы имеем лишь систему лукавых уклонений от национальных вопросов, доходящую до нелепости. Графы «национальность» в паспорте нет, а национальные автономии есть. Мы имеем не только этническую преступность, но и национальную клановость во многих сферах, особенно там, где ходят атлантические косяки бюджетных рублей.

А теперь давайте порассуждаем на перспективу. Трудовая миграция, в том числе из стран СНГ, будет нарастать. Недавно в метро я прикинул, сколько в вагоне пассажиров «неславянской наружности» – посчитал не из ксенофобии, из любопытства. Оказалось, почти половина. Катастрофа? Нет, реальность, на которую можно смотреть с разных точек зрения. Можно с философской: Константинополь был город греческий, а стал турецкий, Калининград был немецкий, а стал российский, Вильнюс был польско-еврейский, а стал литовский. Всё течёт... Я же предпочитаю русский взгляд на проблему, хотя, безусловно, Москва – евразийская столица, кстати, никогда не знавшая межнациональных войн. Но Первопрестольная – это и духовно-исторический центр русского народа. Полагаю, чтобы сохранить эту его роль в будущем, вскоре придётся принимать особые меры. Или искать русским другой духовно-исторический центр. Может, Вологду?

Впрочем, этническое соотношение в русских областях тоже меняется и будет меняться не в пользу автохтонов, если, конечно, не изобретут какой-нибудь особый препарат, например, «Русород». Шутка. До «косовского варианта» у нас, надеюсь, не дойдёт, но уже сейчас ясно: «понаехавшие» зачастую понятия не имеют об этнической этике и ведут себя у нас так, как никогда не позволят никому на своей родной земле. Свадебная стрельба и ралли вокруг могилы Неизвестного Солдата – это ещё цветочки. Главная беда, что многие из мигрантов вообще

не понимают правил соседского сосуществования. Для них главное, кто кого нагнёт. Что же делать? Конечно, надо просвещать, объяснять, воспитывать, вводить преподавание этноэтики в школе. Но дело это нескорое. Полиция – тоже не лучший наставник в сфере межнациональной гармонии. Власть? Она старается и сделала немало, утвердив, например, Стратегию государственной национальной политики до 2025 года, которую вообще-то следовало сначала широко обсудить, учесть предложения заинтересованных сторон, а потом уже рассылать в качестве установочного циркуляра. К тому же одно дело – принять закон, скажем, об общественном питании, а другое дело – отслеживать аутентичность котлет в каждой закусочной.

Вы никогда не задумывались вот над чем. Если, скажем, в русском городе случается конфликт на этнической почве да ещё с жертвами (как правило, из числа местного населения), в дело тут же активно вмешивается инородческая община, озабоченная судьбой буйных своих соплеменников. А вот интересы пострадавших русских всегда представляет, но как-то вяло местная власть, зачастую сросшаяся с жёстким бизнесом «понаехавших». Не пора актуализировать идеи Конгресса русских общин? Именно местная община, или, как раньше говорили, «мір», должна представлять интересы русского населения. Думаю, русская община того города, где случился конфликт, вряд ли возьмёт взятку или позволит спустить расследование на тормозах, как это часто случается. Именно мір вместе с другими этническими объединениями, разрешёнными законом, должны обсуждать культурно-языковую ситуацию в городе (регионе) и жёстко требовать, например, чтобы крупнейшую продовольственную площадку страны перестали именовать «Фудсити». Мы живём в России, а не в Америке. Чем хуже «Пиццеград»? Развивать и финансировать нужно не только «Русский мир» за рубежом, что тоже необходимо, но и «Русский мір» внутри страны. Неужели государство не поймёт, что от этого зависит будущее, и не протянет нам, русским, руку верную?

16. Не стать волохами!

Читая недавно книгу историка Станислава Чернявского о наших предках антах, я наткнулся на любопытное место. Вот оно: «...Богатая и цивилизованная Римская империя казалась в ту пору вечной. Римляне уничтожали более слабые народы или переплавляли их в «этническом тигле». Люди забывали родные языки и обычаи, воспринимали римскую цивилизацию, которая многим казалась мировой, учились говорить и писать по-латыни. Так в Средиземноморье возник новый латиноязычный народ, который условно назывался *вельски*. В русской летописи их именуют «волохами». Казалось, что за этим этническим субстратом будущее...» Однако случилось совсем иначе: вельски не смогли, а точнее, не захотели всерьёз сражаться и жертвовать собой за империю, с которой не ощущали кровно-исторической связи. Они просто разбежались, сдав Римский мир пассионарным готам и другим «варварам», в том числе славянам. Часть «волохов», говорящих на испорченной латыни, осела на землях современной Румынии, сохранив некоторые свои не лучшие традиции. Как результат, румынская армия потом если и прославилась на поле брани, то в основном жестокостью и мародёрством, во всяком случае, у нас на Восточном фронте. И ещё одно наблюдение: в русском языке «волохами» когда-то называли также и кастратов, а слово «изволошить» означало «кастрировать». Возможно, это случайное созвучие, но, согласитесь, весьма символическое.

Не сомневаюсь, читатель сообразил, к чему я привёл эту историческую аналогию. Увы, в России сегодня живут миллионы людей, которые, восприняв нашу культуру, язык, социальные блага, пользуясь нашими материальными ценностями и экономическими возможностями, отнюдь не собираются разделять судьбу российской цивилизации, будучи потенциальными эмигрантами. С обидной регулярностью повторяется одно и то же: перед очередными президентскими выборами раскупаются почти все билеты на заграничные рейсы. На всякий

случай. А ведь речь идёт о законной процедуре, возможной передаче власти. Что же начнётся, если политическая борьба примет, как в 1990-е, неконституционные формы?

Разумеется, моё сравнение с «волохами», как любая аналогия, хромает. Русская цивилизация не в пример римской никогда не занималась насильственной ассимиляцией, не говоря уже об этнических чистках, которыми так богата европейская и восточная история. Мы никому не навязывали нашу культуру, в том числе бытовую, русский язык стал естественным средством межнационального общения в процессе формирования единого хозяйственного и административного пространства. Другого варианта просто не было. А вот США вполне могли бы сегодня говорить на языке предков президента Трампа, так как число эмигрантов из немецких княжеств в Новом Свете, в той же колокольной Филадельфии, на момент обретения независимости едва ли не превышало количество переселенцев из Британии. Но зато у англосаксов оказался более высокий масонский градус – и это, как считают некоторые историки, решило спор в пользу языка Шекспира, а не Гёте. Страшно вообразить, куда могла двинуться история, если бы Гитлер и тогдашний президент США говорили на одном языке!

Повторю: Москва и Петербург никогда не занимались последовательной ассимиляцией, не пытались сделать из татар, чеченцев, эстонцев или бурятов русских. В той же Прибалтике школы, где обучали детей на родных языках, открылись лишь при царе-батюшке. При немцах и шведах таких школ в помине не было. При советской власти для некоторых народов (их так и называли – младописьменные) на базе кириллицы специально сконструировали алфавиты, чтобы люди могли читать и писать на своём наречии. Я был лично знаком с несколькими знаменитыми литераторами, которые являлись первыми писателями не только в своём роду, но и в своём народе. И сегодня, наблюдая, как кое-где в угоду политической конъюнктуре отказываются от кириллицы в пользу латиницы, я испытываю чувство обиды. Впрочем, о том, что благодарность в истории встречается ещё реже, чем в быту, я уже говорил.

Несмотря на неизбежную в многоплеменной державе метисацию, в наших пределах сохранились почти все племена, когда-то объединённые под скипетром Империи. Для сравнения: из двух десятков славянских племён, занимавших добрую половину современной Германии, ныне остались только лужицкие сорбы, остальные давным-давно онемечились. Да, сейчас в ФРГ растёт интерес к догерманскому, славянскому, населению фатерланда, но этот интерес носит чисто археологический характер. Обычная западная практика: сначала безжалостно уничтожить, а потом любовно изучать. Уверяю вас, традиционная англосаксонская русофобия обернётся русофильством, как только мы исчезнем или утратим статус великого народа. «Ах, этот народ дал человечеству Рублёва, Чехова, Чайковского и Гагарина!» – воскликнет какая-нибудь очередная «псаки». И ни слова о нашествиях, санкциях, клевете...

С учётом отечественных традиций и нынешней нашей национальной политики этносам, населяющим Россию, вряд ли грозит превращение в русскоязычных «вельски». Наоборот, налицо возрождение местных национально-религиозных традиций и культуры. Этот процесс, который я с долей условности назвал «неокоренизацией», вытекает из самой сути нашей федеративной государственности, и его можно лишь приветствовать. Зато перспектива превратиться в безвольных «волохов», исторических кастратов, есть у нас, русских. Такая угроза существует для всех имперских народов с «широко разбежавшейся участью» (Пастернак), а если этому ещё способствует государственная политика... Собственно, эти заметки русского заботника и вызваны тревогой за судьбу моего народа – и не только моего... Если мы, русские, составляющие восемьдесят процентов населения страны, станем равнодушными «вельски», Россия разделит судьбу СССР. А на какие куски-фрагменты должна распасться наша держава, давно рассчитано, расписано и даже обнародовано западными партнёрами, страдающими острой русофобией уже лет пятьсот. Очевидно, при таком повороте небольшие и малые этносы РФ не смогут создать собственных государств из-за географического положения, климата, немногочисленности населения, экономической зависимости. А где гарантия, что в новых гео-

политических конфигурациях они не разделят судьбу двадцати славянских племён, что процветали на территории нынешней Германии?

Конечно, положение титульного народа нашей страны, сегодня могло быть ещё хуже, ведь XX век можно смело назвать «антирусским», что жёстко проявилось и в девяностые годы. Но стремительное возрождение православной церкви, более других пострадавшей от карательного интернационализма и атеизма, способствовало не только легализации религиозных чувств, традиционных ценностей, восстановлению храмов и церковной жизни, но и благотворно сказалось на русском самосознании, ведь Церковь неотделима от отечественной истории, от становления государства Российского. Не случайно первым отпевали в храме Христа Спасителя, стремительное воздвижение которого стало символом возрождения Веры в нашей стране, знаменитого писателя Владимира Солоухина – одного из самых ярких и влиятельных русских заботников советской эпохи. По странному стечению обстоятельств его творчество ныне старательно вытеснено на периферию общественного сознания, а недавний юбилей, кроме «Литературной газеты», кажется, никто не заметил. Впрочем, об искусственном замалчивании деятелей культуры «русского направления» я не раз уже говорил в этих заметках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.